

СКЕЛЕТ наступающего

Источник и две составные части
бюрократического капитализма
в России

Александр Волков

Александр Привалов

ЭКСПЕРТ

Специальный деловой журнал

ПИТЕР

Александр Волков, Александр Привалов

СКЕЛЕТ НАСТУПАЮЩЕГО

Источник и две составные части
бюрократического капитализма
в России

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2008

ББК 65я43
УДК 33(044)
В67

Волков А. Д., Привалов А. Н.

В67 Скелет наступающего. Источник и две составные части бюрократического капитализма в России. — СПб.: Питер, 2008. — 272 с.: ил.

ISBN 978-5-91180-749-8

Нынешняя (и не только нынешняя) Россия представляет собой царство чиновников, которое базируется на специфическом (взяточном) законодательстве и — в текущем тысячелетии — на ключевой роли силовиков в политике и экономике. Почему чиновник неизменно оказывается сильнее и нас с вами — и государства, которому вроде бы служит? Какую стратегию на самом деле проводит сегодняшняя верхушка российской власти — и по каким вопросам в этой верхушке не прекратилась разногласия? Почему не видно конца переделам собственности — и на какой фабрике серийно изготавливают рейдеров? Какие из законов постсоветской России нанесли стране наибольший вред — и как их нужно изменить? Может ли в России появиться сильный независимый суд — и что для этого следует сделать? На подобные вопросы вдумчивый читатель найдет ответы в этой книге.

ББК 65я43
УДК 33(044)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-91180-749-8

© ООО «Питер Пресс», 2008

Оглавление

От авторов	7
Глава 1. Основы теории бюрократического капитализма	9
Ворующие по закону	10
Диагноз	10
Лечение: рецепт публикуется впервые!	12
Судебная практика: все не так плохо, все гораздо хуже	19
Говорит Дантон	22
Следствие Сперанского	25
Судиллия	35
Что в судах не так и почему	37
Что предлагается	39
Что из этого впоследствии	41
Что для этого нужно сделать	43
Напоследок	44
Эпидемия из «одного окна»	47
Гром не из тучи	48
Архаическая пастораль и борьба с нею	50
Мерцающие двойники	52
Атомная бомба за \$23	54
Открытое письмо министру	57
Постскриптум	59
Рассуждение о рейдерстве по методу барона Кювье	60
Статистика и ее странности	61
Горстка раскопанных костей	64
Почему они не боятся?	67
Что делается	71
Что нужно делать	76

Глава 2. Апологетика	79
Апология государственности	80
Налоги — и понимание	82
Регионы — и кнут	87
Кадры — и российский рынок	90
Свобода творчества — и крупная собственность	94
Передел собственности — и партстроительство	97
Лубянские кадры — и гражданское общество	100
Апология собственности	103
Собственники или управленцы	105
Собственники и управленцы	108
Никак не формализуемый инструментарий	111
О неделимости рынка	114
Сколько в России предпринимателей	117
Набор приемов не безразличен	119
Апология чиновного капитализма	122
Нужное соотношение	123
Ресурсы для коррупции	125
Новый «госплан»	129
Скелет государства	134
Большие проекты	135
Элита и стратегия	139
Апология безопасности	143
Политик у нас — всегда силовик	144
Три функции и бассейн	146
Последние выборы в прежних правилах	149
Голос из динамика	151
Разные ли сверчки на разных шестках?	155
Три функции — навсегда или на время?	157
Апология пустого места	159
Галопом по спектру	160
Молчаливая внутренняя партия	165
Суды и лифты	169

Глава 3. Худший закон России	175
А ну-ка, отниму!	176
Вы слишком богаты, чтобы не быть банкротом	177
Я тебе как директор директору скажу: канай отсюда	179
Могут ли силовики улучшить инвестиционный климат?	180
Ключ ко всему — взяточность	181
Худший закон России	183
Черная дыра	183
Феноменология процесса	185
Капитализация всей страны	187
Что стало с судами	190
Что будет с судами	193
Что делать?	195
Худший закон России-2	198
Поп свое, а черт — свое	202
Закон, которого не должно быть	205
Вернемся на землю	206
Отменить худший закон России!	207
Оздоровление в мертвецкой	210
Три шага за горизонт	211
Слон и дробина	212
Любить гробовщика не обязательно	213
Не смей «управлять»!	214
Можно и поспорить	216
Будем законы писать или глазки строить?	219
Глава 4. Былое	221
Промышленная очистка активов	222
Точка опоры	223
Примерная схема очистки	223
Маленькое морализирующее отступление	226
Это колесо не повернуть	226

И не только «естественные» монополисты	227
Все будет хорошо	229
Либерализация экономики: что же летит обратно — бумеранг или маятник?	231
Совершенно не красные долги	232
Обратная тяга	235
Суицид экономического либерализма	237
О том, как средства опровергли цели	237
Жесткий монетаризм — мутаген экономики	238
Западный инвестор и национальное безденежье	241
Собственность — это не кража, а контроль над финансовыми потоками	242
Очень своевременная временная чрезвычайность	245
Главные конкуренты	247
Обустроенная Россия по-монопольски	249
Что будет дальше	251
Разбиратели земель российских	253
Межбюджетный беспредел	254
Приморский детектив	257
Разделяй, пока не отделились	259
Разговорим губернаторов!	261
Послесловие	264

От авторов

Эта книга — не учебник по теории бюрократического капитализма или по истории становления такого общественного устройства в России. Она, скорее, хрестоматия к такому, пока никем не написанному учебнику.

Здесь собраны статьи авторов, напечатанные в разные годы в журнале «Эксперт»; позднейшая из них опубликована этой весной, самой ранней — около десяти лет. Таким образом, наблюдаемые и анализируемые нами явления обнаружили задолго до того, как стало принято говорить об укреплении в России госкапитализма. Это естественно: устройство жизни, о котором мы говорили и говорим, есть доминирование в экономической жизни не только государства как целого (и даже, пожалуй, не столько его), но и вполне частных лиц, носящих гордое звание чиновников. Это капитализм не столько государственный, сколько бюрократический или чиновный, и характеризуется он не обвальным огосударствлением крупнейших корпораций, случившимся у нас только за последние годы, а особым стилем правоустановления (а по мере развития — и правоприменения), прямо благоприятствующим чиновластию, и намеренной неполнотой прав собственности. Читатель легко припомнит, что эти черты проявились задолго до «вертикали власти» — в самый разгар «либеральных» девяностых годов. Даты публикаций, предшествующие в книге текстам статей, должны, мы надеемся, помочь сориентироваться во времени.

Главу 1 составили статьи, описывающие важнейшие черты чиновного капитализма в его сегодняшнем виде: мощную коррупцию, прямо проистекающую из норм права; неадекватную судебную систему; прямое участие правоохранительных структур в силовом переделе собственности.

Глава 2 содержит цикл квазисократических диалогов, написанных авторами, по существу, от безысходности. Резко активизи-

Виде за 10 лет. Проблема
решена 1997 год
к С. Сидоренко

зировавшаяся после «дела ЮКОСа» власть принципиально не желала объяснять публике ни мотивов своих действий, ни своих планов на будущее. Нам пришлось изобрести фигуру Государственника, виртуального лидера бюрократического капитализма, который и удовлетворял в какой-то степени общую потребность в объяснениях. Со времени публикации первой из этих апологий прошло уже почти три года — как подтвердил ход последующих событий, наш виртуальный руководитель был не так уж далек от реальных.

Глава 3 состоит из статей, написанных о худшем, по нашему убеждению, законе России — второй редакции Закона о банкротстве. Этот закон за считанные годы, пока действовал, свел почти к нулю устойчивость права собственности, развратил суды и искалечил деловой климат. Эта глава отчасти объясняет, почему авторы не брались писать монографию о чиновном капитализме: монографии не меняют хода событий, а собранные в этой главе статьи прямо дрались со злополучным законом и в итоге, как ни странно, победили. Новая (ныне действующая) редакция закона должна была оказаться еще более кошмарной, однако буквально в последний момент неожиданно поменялась. Теперь закон выглядит хоть и не вполне идеально, но все-таки достойно.

В главе 4 приведено несколько самых давних статей. Читателю, как нам кажется, будет интересно вспомнить, как выглядел бюрократический капитализм в младенческом своем облике — до заполнения великого множества властных позиций выходцами с Лубянки.

Отношение авторов к предмету публикуемых здесь текстов с годами изменялось; видимо, оно будет меняться и дальше. Сегодня же оно таково: чиновный капитализм — вещь дрянная, но не обязательно смертельная. Жить и даже худо-бедно развиваться при нем можно. Со временем он, вероятно, будет способен преобразовываться в более человеческие формы; к этому его будут подталкивать и неизбежные кризисы. Ну и, наконец, с ним не совсем бесполезно бороться — отчасти об этом и книга.

Глава 1

Основы теории бюрократического капитализма

Ворующие по закону

Февраль 2000

Повальную коррупцию в России может победить либо полицейский режим, либо планомерное исправление законов. Пора выбирать.

Диагноз

Да
как
будет
структура

Как не было в России рыночной экономики, так ее и нет. Десятилетие не стали революционными в смысле смены общественно-экономической формации. Так ли уж велика разница между «плановым» чиновничеством до 1991 года и «рыночным» чиновничеством после? Распределительный характер производственных отношений не исчез, он лишь поменял форму. Чиновничья братия, с облегчением сбросив бремя руководства своих же сородичей из партийных структур, принялась размножаться и *протирать руки свои во все дела человеческие.* И замечательно преуспела.

Не сразу вспомнишь, в каких нишах экономики у нас по-настоящему рыночные отношения и не зависящая от чиновников конкуренция. Успешность, а нередко и само существование подавляющего большинства титульно частных компаний целиком зависит от доброй воли чиновников — распределяющих «заказы», определяющих «тарифы», дарующих и отнимающих «льготы». Предприниматели, не вынужденные включать несытую сволочь (выражение Петра Великого) в свои бизнес-схемы, остаются на Руси дивным исключением.

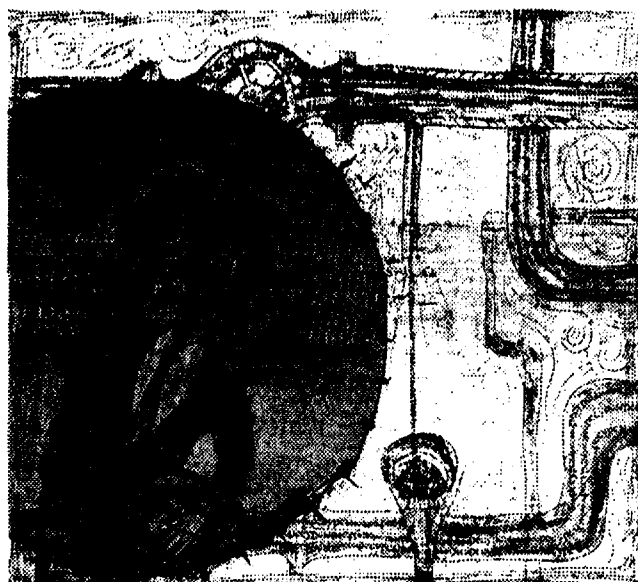
Экономические следствия этого очевидны. На уровне отдельной фирмы включение в бизнес чиновника приводит к увеличению, вежливо говоря, транзакционных издержек, неизбежному принятию стратегически неосмысленных решений и к неустойчивости бизнеса. Конкурентоспособность фирмы в лучшем случае под вопросом. На уровне отраслей или всей экономики бешеная чиновничья активность означает, что постоянно перераспределяются разнообразные ресурсы от лидеров к аутсайдерам, то есть катастрофически снижается эффективность целого. О конкурентоспособности здесь просто смешно говорить. *с/х во всех развитых странах*

Социальные следствия ничуть не лучше. Отношение к государству как к злой грабительской силе стало повальным. Тезис «сколько ни воруй у государства, все равно своего не вернешь» никому не кажется гиперболой. Надеяться на то, что, запустив серию сколь угодно громких показательных процессов, можно переломить общественное мнение, значит самым грустным образом заблуждаться. Доверия так не внушить. *так без смысла и не проблема*

Работает самовоспроизводящаяся машина: государство считает необходимым, чтобы его чиновники «рулили» тем и сем, пятым и десятым, поэтому чиновников разводится все больше; бюджет пуст, поэтому им платят гроши — и они все более активно занимаются самообеспечением; этот процесс надо вводить в какие-то рамки, поэтому приходится увеличивать *государство по определению не может считать, не факт! не может считать!*

количество чиновников... Ничего нового здесь нет — и мы, привычно вздыхая, говорим о коррупции. Диагноз этот, впрочем, следовало бы уточнить. «Коррупция» по латыни — порча; между тем вмешательство чиновника в распределение всевозможных активов бывает вредоносно и тогда, когда сам чиновник ничуть не испорчен и лично честен. На наш взгляд, вернее было бы говорить о *государственном рэжете*. Это даже не метафора: обычный рэкет — это насильственное встраивание в бизнес бандита, государственный — насильственное встраивание в бизнес чиновника.

Но, в конце концов, не в терминах дело. Коррупция так коррупция. Что с ней делать будем?

Лечение: рецепт публикуется впервые!

В вечной российской борьбе с коррупцией слуг государевых удивительно не то, что она вечна, а то, что в ней никогда не применялся рецепт, совершенно очевидно вытекающий из общепризнанного диагноза. Век за веком мздоимцев и казнокрадов клеймили, секли, били батогами и сажали, сажали, сажали — и век за веком на вопрос «Что делается в России?» отвечали «Воруют!». И ни разу ни власти, ни общество не за-

хотели отдать себе отчет в том, что *львиная доля воровства осуществляется по закону*. Закон фиксирует точки соприкосновения чиновника с теми или иными активами и дает ему некий простор для маневра. И очень часто чиновник решает, что этот простор позволяет и воровать. Заметим, что именно поэтому вора не так-то просто ловить: подавляющая часть его телодвижений точь-в-точь совпадает с телодвижениями его неворующего коллеги. Таким образом, главная причина распространённости воровства не в слабости или малочисленности контролеров и уж, конечно, не в мягкости Уголовного кодекса, а в технологической слабости действующих правил.

Трудно поверить, что такая слабость сохраняется в нашей нормативной базе случайно. Ее постоянное воспроизводство возведено в национальную традицию. Здесь уместно напомнить о так называемом *Правиле № 1 М. М. Сперанского*, отца русской бюрократии в ее современном виде: ни одно государственное установление не должно быть прописано так, чтобы его можно было применять без прямого участия чиновника. Кто такой граф Сперанский, сегодня помнят далеко не все, но дело его живет.

Если мы действительно хотим избавиться от коррупции, то мы должны прежде всего признать, что для этого нужны не заклинания, а сугубо конкретная работа — и не правоохранительного, а правоустанавливающего толка. Эффективно бороться с чиновным воровством значит не угрожать наказания, а пересмотреть действующие законодательные нормы. Цель ревизии может быть задана однозначно: борьба с *Правилем № 1*, то есть выделение в законодательстве норм (или отсутствия таковых), дающих право чиновникам любого уровня на распределение активов любого качества и любого объема, — и переформулирование их в автоматические.

Иные из таких дыр (например, предоставление чиновнику права единолично определять некий параметр в широкой вилке — без формулирования внятных критериев) очевидны, иные довольно глубоко запряваны. Искать такие места дол-

жны практикующие предприниматели и юристы. Оперативно ликвидировать выявленные дыры должны законодательные органы. Приведем несколько характерных примеров, чтобы доказать правильность рекомендуемого лечения.

Отрицательный пример: Федеральный закон о несостоятельности. Полная власть чиновников на предприятии, попавшем под процесс о несостоятельности, как показала практика, устанавливается на основании всего четырех статей 25-й, 59-й, 71-й и 185-й. Мы пишем «показала практика» потому, что не можем безукоризненно доказать, что законодатель так и замыслил. К предположению о сознательной закладке мины, тем не менее, приводит Положение о лицензировании деятельности физических лиц в качестве арбитражных управляющих (утверждено постановлением правительства № 1544 от 25.12.1998). Оно вступило в силу с 1 марта 1999 года — в полном соответствии со статьей 185 — и довело вытекающую из названных статей схему до логического завершения. Для нас в этом положении существен пункт 7 связывающий арбитражное управление на крупных или «социально значимых» предприятиях с понятием *лицензии третьей категории*. Кто не знает, что это такое, вскоре поймет.

К лету 1999 года Федеральная служба по делам о несостоятельности (ФСДН) получила от своих терагентств и утвердила региональные списки социально значимых предприятий. Поскольку никаких критериев *социальной значимости* опубликовано никогда не было, можно предположить, что в списки включены все предприятия, которые *нужно было* включить. Впрочем, если кого по нечаянности и забыли, этот промах можно в любой момент исправить: списки не закрыты для дополнений. Дальше все просто. Банкротится интересное предприятие. Если оно еще не носит титула социально значимого, этот титул ему присваивается. Теперь место арбитражного управляющего и даже его заместителя может занять только человек, обладающий лицензией третьей категории. Так вот, в России таких людей нет и не ясно, когда

они смогут появиться. Поскольку, чтобы получить лицензию третьей категории, человек должен (пункт 12 того же положения) представить доказательства, что он на правах лицензиата второй категории провел два внешних управления или конкурсные производства, *получившие положительное заключение экспертной комиссии по арбитражному управлению, а также свидетельство о сдаче соискателем экзамена*. Но ни о такой экспертной комиссии, ни о программе упомянутого экзамена до нынешнего дня никто и нигде никого не оповещал. Если они и есть, то скрываются настолько тщательно, что лицензию третьей категории не получит и Ли Якокка.

Ну а раз лицензиатов третьей категории нет, то в соответствии со статьями 59, 71 и 185 управляющим на интересном предприятии становится сотрудник органа ФСФО (так теперь называется ФСДН, которая прежде называлась ФУДН — прогресс не остановишь). Этот сотрудник становится генеральным директором, советом директоров и общим собранием акционеров несчастного предприятия в одном лице — и рулит в пользу своего единственного начальника, то есть (хотя сам он — чиновник федеральный) губернатора. Так оно обычно и бывает: под разговоры об общегосударственном интересе очень удобно вести регионализацию имущества.

Более бесспорной иллюстрации к тезису о встраивании чиновника в предпринимательскую схему нельзя и вообразить: несколько статей закона и пунктов положения не позволяют себя обойти ни при каких обстоятельствах.

Примеры? Извольте. Приведенная конструкция в полном объеме была недавно реализована с Камчатским морским пароходством. Не в точности таких, но сходных случаев сколько угодно. Самый, кажется, известный — Кемеровская область. Именно область, а не какое-то конкретное предприятие, поскольку там применение этой схемы поставлено на поток. Губернатор

А. Г. Тулеев таким образом выставял частных управленцев и с «Запсиба», и с КМК, и с Новокузнецкого алюминиевого Залезут в его вотчину другие — и других выставит.

Случай, как видим, очень запущенный, а поэтому именно на нем мы детально продемонстрируем предлагаемые средства.

Первая мысль, которая приходит в голову, — изменить положение новым постановлением правительства — должна быть отринута. Не станем мы просить барина, чтобы он велел своим дворовым нас не трогать. Вмешаться должен законодатель, соответствующим образом изменив основополагающий Федеральный закон.

Убрать пункт 4 статьи 185: *В случае непредставления арбитражному суду в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, кандидатуры арбитражного управляющего арбитражный суд вправе назначить арбитражного управляющего из числа сотрудников государственного органа по делам о банкротстве и финансовому оздоровлению по представлению последнего.* Ну не рассматривать возможность непредставления кандидатуры, как не рассматривает закон случаев людоедства в зале суда.

Из пункта 2 статьи 25 убрать пол-абзаца: *Государственный орган по делам о банкротстве и финансовому оздоровлению... ведет учет и анализ платежеспособности крупных, а также экономически или социально значимых организаций, представляет предложения по финансовому оздоровлению указанных организаций в Правительство РФ.* Ну не давать госоргану законного основания ввязываться в бизнес-проблемы.

Убрать вторую фразу из пункта 1 статьи 59: *Временный управляющий назначается арбитражным судом из числа кандидатур, предложенных кредиторами, а при отсутствии указанных предложений из числа лиц, зарегистрированных в арбитражном суде в качестве арбитражных управляющих. При отсутствии указанных лиц кандидатура временного управ-*

чиющего предлагается государственным органом по делам о банкротстве и финансовому оздоровлению по запросу арбитражного суда в недельный срок с момента получения указанного запроса. Лицензированные управляющие отвечают за свою работу и лицензией, и собственным имуществом — чиновник не отвечает ничем.

По тем же причинам и точно так же сократить пункт 5 статьи 71.

Вообразите: пять минут работы пленарного заседания Государственной думы — и **Федеральный закон, регулирующий остро модную сферу экономической жизни, перестает быть неиссякающим источником коррупции**. Не совсем, правда, перестает: ниже мы увидим, что в нем есть и еще брешки — но исполнительной власти он более не пособник.

Положительный пример: Федеральный закон о рынке ценных бумаг. Сказать, что этот закон, регулирующий весьма обширную и заведомо лакомую сферу, безукоризнен, язык не поворачивается. Всякому, кто его читал, известно даже, где в нем зарыт основной массив глупостей: в статьях 42, 43 и 44, трактующих соответственно о функциях, решениях и правах Федеральной комиссии по ценным бумагам (ФКЦБ). Длина, запутанность — попросту говоря, явная избыточность этих статей поразительна. Результат перегруженности ФКЦБ властными полномочиями очевиден: количество чиновников в расчете на одну операцию, производимую на российском рынке ценных бумаг, далеко превосходит самые бредовые мечты заморских ценнобумажных бюрократов. Однако прямой рулежкой активами ФКЦБ заниматься не позволено. Порой она, конечно, досаждаёт профессиональным участникам рынка несуразными приставаниями, но, как показала практика, если она уж очень зарвется, ее приставания можно отбить в суде — это же совсем другое дело!

Мы вспомнили об этом законе только затем, чтобы показать: ведь может же законодатель, если захочет, принять закон,

не подпускающий чиновника к активам. К сожалению, этот случай не типичный. Чаще такие возможности в нормативных актах есть.

Типичный пример: Федеральный закон об акционерных обществах. Этот закон, в сущности, весьма не плох. Он не плох вообще — с тех пор, как он вступил в силу, корпоративная жизнь стала заметно более благоприличной. Он не плох и в частности — с рассматриваемой нами точки зрения. Дыра для чиновников в нем, кажется, всего одна — но зато какая! Равняется четырем Франциям.

Пункт 5 статьи 1 «Сфера применения настоящего Федерального закона»¹ отдает приоритет давним приватизационным указам над самим законом, чем загоняет огромное количество далеко не самых мелких предприятий в кабалу чиновникам. Нам известно считанное число случаев, когда этой дырой в законе кто-либо реально воспользовался, но, во-первых, такого рода случаи не афишируются, во-вторых — лиха беда начало.

Из неприятностей, подстерегающих любое АО, оказавшееся в силу процитированного пункта «в двойном подчинении» — и у Закона об АО, и у приватизационного законодательства, — назовем лишь одну. На самом деле их больше, но читатель увидит: названной достаточно, чтобы ключевые управленческие решения АО оказались незаконными, а его менед-

¹ Текст этого пункта: «*Особенности создания и правового положения акционерных обществ при приватизации государственных и муниципальных предприятий определяются правовыми актами Российской Федерации о приватизации указанных предприятий.*

Особенности правового положения акционерных обществ, созданных при приватизации государственных и муниципальных предприятий, действуют с момента принятия решения о приватизации до момента отчуждения государством или муниципальным образованием 75 процентов принадлежащих им акций в таком акционерном обществе, но не позднее окончания срока приватизации, определенного планом приватизации данного предприятия».

жеры и акционеры, взвыв, бросились искать серого чиновничьего заступничества.

К числу *правовых актов РФ о приватизации*, которых указанное АО должно было слушаться в указанные сроки, безусловно относится Программа приватизации государственных и муниципальных предприятий, утвержденная указом президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2284 (ныне действующая в редакции от 15.07.1998). Эта программа, в частности, требует, чтобы любые имущественные сделки, производимые АО с государственной долей более 25 %, согласовывались с ГКИ. Эй, менеджеры, поднимите руки, кто из вас хоть раз проводил такое согласование? Ах, не проводили? Поздравляем: все заключенные вами сделки незаконны, а вы — в соответствии со статьей 71 Закона об АО — очень можете попасть под личную имущественную ответственность за их совершение.

Звоните, пишите, летите к вашему депутату! Требуйте, чтобы этот злокозненный пункт был удален из федерального закона! Государство, черт его возьми совсем, — такой же акционер, как любой другой!

Пример, повторим, — типичный.

Судебная практика: все не так плохо, все гораздо хуже

До сих пор мы исходили из естественного предположения, что третья власть России, суд, в полной мере отвечает традиционным требованиям, то есть не руководствуется в своих действиях ничем, кроме закона. Будь это предположение верным, можно было бы не опасаться, что судьи наравне с представителями исполнительной власти начнут претендовать на включение в бизнес-схемы. Однако ход последних событий вынуждает заподозрить, что наше предположение не просто идеалистично, но и вообще мало соотносится с действительностью.

Приведем пример. Постановление пленумов Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ от 8 октября 1998 года содержит такой пункт: *При применении норм об очередности погашения требований по денежному обязательству при недостаточности суммы произведенного платежа (статья 319 ГК) судам следует исходить из того, что под процентами, погашаемыми ранее основной суммы долга, понимаются проценты за пользование денежными средствами, подлежащие уплате по денежному обязательству, в частности проценты за пользование суммой займа, кредита, аванса, предоплаты и т. д. Проценты, предусмотренные статьей 395 ГК за неисполнение или просрочку исполнения денежного обязательства, погашаются после суммы основного долга* (выделено нами. — А. В., А. П.). Сравнив этот пункт и упомянутые в нем статьи ГК¹, легко понять, насколько щедр к должникам оказался совместный пленум: если они гасят основной долг раньше процентов, то проценты быстрее перестают нарастать.

На наш взгляд, эти статьи ГК не оставляют Верховному и Высшему судам места для толкования их норм. Суды и не толкуют эти нормы: они *устанавливают* новую норму, противоречащую ГК. Сделано это, несомненно, ради экономической целесообразности, поскольку проценты в размере ставки рефинансирования Банка России (в соответствии

¹ Статья 319: *Сумма произведенного платежа, недостаточная для исполнения денежного обязательства полностью, при отсутствии иного соглашения погашает прежде всего издержки кредитора по получению исполнения, затем — проценты, а в оставшейся части — основную сумму долга.*

Статья 395: 1. *За пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица подлежат уплате проценты на сумму этих средств... 3. Проценты за пользование чужими средствами взимаются по день уплаты суммы этих средств кредитору, если законом, иными правовыми актами или договором не установлен для начисления процентов более короткий срок.*

ГК) до сих пор являются запредельными: эта ставка выполняет в России иные функции. Ясно, что установление такой нормы — решение, определяющее в экономике неплатежей судьбу огромных активов.

Ясно и другое. Всякий судья при рассмотрении такого рода вопросов с октября 1998 года имеет законную возможность выносить два принципиально различных решения: либо в пользу кредитора (основываясь на ГК), либо в пользу должника (основываясь на постановлении пленума своей высшей инстанции). Можно, конечно, надеяться, что признание за экономической целесообразностью приоритета над законом не выйдет за рамки государственного мышления членов пленумов ВС и ВАС. Но надо быть реалистами: такое — подчеркнем: судебное! — признание будет воспринято и уже воспринимается тяжущимися как призыв идти в суд и *торговаться*. Победитель таких торгов получит возможность включить в свою бизнес-схему судью — тут уже будет уместнее сказать «судейского чиновника». Побежденный — умоется. Борьба с коррупцией в судах в повестке дня значилась? Не значилась — впишите.

В последнее время многие люди в беседах с авторами отмечают, что качество принимаемых судами решений лавинообразно ухудшается и усиливается их зависимость от «внесудебных» аргументов. Как показывает наш пример, пренебрежение законом поселилось в высшей инстанции обоих судов. Но усиление ответственности судей за принимаемые решения — очень деликатный вопрос. Сразу будет выдвинуто большое количество возражений, имеющих фундаментальную природу. В этой части законодательство не поддается ни хирургическому, ни даже терапевтическому воздействию. Лечение должно быть выверенным и в гомеопатических дозах.

Впрочем, не во всех случаях проблема так уж сложна. Так, процитированный нами пункт из решения сдвоенного пленума безусловно надо отменять. Или такой пример. Из-за неряшливости (не станем же мы подозревать умысел!) законодателя

в первую инстанцию третьей власти просочились совершенно не свойственные ей функции — принимать хозяйственные решения и непосредственно влиять на судьбу активных хозяйствующих субъектов. Как и было обещано, мы возвращаемся к Закону о несостоятельности.

Арбитражно-процессуальный кодекс (АПК) дает закрытый перечень определений, которые могут быть обжалованы в апелляционной инстанции, но предусматривает, что другие федеральные законы должны при необходимости этот перечень расширять. Закон о несостоятельности в основном строится на судебных определениях, но в нем почти нет обязательных упоминаний о праве сторон обжаловать определения суда. На практике это привело к развращающей безответственности судей в делах о банкротстве. Они легко и по надуманным (не упомянутым в законе) поводам могут поменять в середине процедуры наблюдения управляющего, отменить (без вызова сторон в суд!) решения собраний кредиторов. И у кредиторов при этом полностью отсутствует процессуальная возможность защитить свои права во всех последующих инстанциях. Исправление этого недочета тоже не требует мудрости Ликурга

Говорит Дантон

Коррупция в России дошла до такой стадии, когда борьба с ней становится неизбежной. Причем борьба всерьез, а не как у нас принято: на уровне частных посадок и общего размахивания руками (помните, у Жванецкого: *Борьбу с пьянством прекратить, потому что это не борьба и это не результаты*). Результаты становятся насущно необходимыми — и, следовательно, будут получены тем или иным способом. Беда, однако, в том, что способов, могущих дать результат, именно что два. Тот и иной.

Тот способ памятен в России всем — репрессии. Это слово и так мало кому нравится, поэтому обратим внимание лишь на два обстоятельства. Во-первых, чтобы существенно снизить уровень коррупции, репрессии должны быть

достаточно массовыми, что физически осуществимо только при заправском полицейском режиме. Во-вторых, и при таком режиме ввести в приемлемые рамки коррупцию удастся лишь при резком огосударствлении во всяком случае крупного и среднего бизнеса. Следовательно, мечты о повышении эффективности российской экономики останутся мечтами. Сущность производственных отношений при этом не изменится, а это означает, что в наших нынешних условиях введение полицейского режима есть не революция, но эволюция.

Иной способ описан здесь. Он удивительно не эффектен: куда красивее время от времени сбрасывать толпе с крыльца очередного проворовавшегося дьяка, — но гарантированно эффективен. Если планомерно выкорчевывать корни коррупции из нормативной базы, с какого-то момента перемены наберут критическую массу, Россия перестанет быть чиновничьим царством — и тогда снижение уровня коррупции окажется рядовой среди радостных новостей. Кстати говоря, при этом сменится общественно-экономическая формация, а это значит, что в наших нынешних условиях очищение законодательства от щелей, допускающих чиновника к активам, есть не эволюция, но революция. Если вдуматься, в это легко поверить.

Единственный шанс на избрание Россией этого *иного* способа кроется в том, что ничего третьего не дано: либо он — либо выходи строиться (вариант, при котором коррупция доест российскую государственность, мы сознательно исключаем из рассмотрения).

Впрочем, есть и силы, прямо заинтересованные в движении по такому пути. Помимо, мы надеемся, достаточно широкой массы предпринимателей и менеджеров, которым осточертело подстраивать свой бизнес под чиновничьи прихоти, такой силой объективно является вторая власть России, законодательная. Во-первых, взявшись за такую работу, она впервые в постсоветской истории получила бы серьезную контригру против

исполнительной власти. Именно сейчас, когда все кому не лень твердят о полной подчиненности законодателя, такая игра ему нужна позарез. Во-вторых, для Думы (как и для всего общества) это единственная возможность добиться конструктивного синтеза между «оппозицией антинародному режиму» и «приверженностью курсу реформ». При хорошей пиаре думцы из надоевших пустословов живо превращаются в глазах публики в главных спасителей отечества.

Пока не похоже, что Дума склонна пойти в эту сторону: многие из продвигающихся в ней законопроектов (от «компромиссного» варианта Земельного кодекса до ужесточенного валютного контроля) имеют прямо обратную направленность: чиновникам дают в руки все новые и новые рычаги. Но это не значит, что предлагаемая здесь *революционная* идея не может овладеть думскими массами. Им только нужно в этом помочь.

В Америке подобные тексты нередко завершают призывом «Напишите своему конгрессмену!». Мы не видим причин, по которым такой призыв невозможен и у нас. Возьмемся за наших парламентариев! В этом деле у нас с ними общие интересы.

Следствие Сперанского¹

Август 2004

Вытащить Россию из ловушки бюрократического капитализма можно, воспользовавшись сменой региональных политических элит.

Всякий, кто внимательно анализирует общественную жизнь России, приходит к печальному выводу: единственной социальной группой, которая осознала свои интересы и институционально оформилась, является бюрократия. Что касается буржуазии, то ее как класса нет, хотя с момента начала приватизации прошло уже более десяти лет. Что в нашей стране мешает классу капиталистов развиваться и занять существенное положение в структуре общества?

Если следовать логике западных теоретиков капитализма, то главным связующим элементом для буржуазии является кредит. Именно он соединяет предпринимателей невидимыми нитями взаимного интереса и солидарности. Однако в России капитализм (или его подобие) возник не в результате развития кредита, а по решению бюрократического аппарата, и его зависимость от бюрократии сохраняется до сих пор. Сама возможность получения кредита у нас зачастую зависит от того, благоволит бюрократическая машина к предпринимателю или нет. Да и не только отдельный кредит, само развитие финансовой системы зависит прежде всего от воли бюрократии. А ей априори чужды и энергия, и рискованность предпринимателя, поэтому она сдерживает наше экономическое развитие. О том, как вывести российский капитализм из бюрократической ловушки, рассказывает Александр Волков.

¹ Интервью А. Волкова обозревателю журнала «Эксперт» А. Механику.

— Я, безусловно, соглашусь с тем, что бюрократия в России — наиболее оформленная социальная группа. Но если говорить о причинах отсутствия буржуазии как социальной группы и ее недостаточной институционализации, то моя гипотеза заключается в том, что в России практически нет свободного рынка, а следовательно, нет и оснований для возникновения буржуазии. То есть дело не в отсутствии кредита, а в отсутствии рынка как противостоящих совокупностей спроса и предложения. Отсюда я делаю вывод, что институционализация буржуазии в России, наверное, будет происходить другим путем. Ведь и предприниматель как таковой в России отсутствует — если понимать под предпринимателем человека, свободно принимающего бизнес-решения. На мой взгляд, в России предприниматели как группа общества обслуживают бизнес-схемы чиновников. И в этом смысле предприниматели такие же наемные работники, как и люди, которые работают у них на предприятиях. Потому что без согласования с бюрократией бизнес в России невозможен ни на каком из уровней — ни на мелком, ни на среднем, ни на высоком. А на самом деле согласование очень быстро перерастает во встраивание в чиновничий бизнес ?

— То есть весь бизнес подчинен неким схемам, которые выстраиваются бюрократией? !

— Совершенно верно. Причем сейчас это настолько очевидно, что люди просто приходят к чиновнику и говорят: есть у меня вот эти активы, берите их вместе со мной. Потому что это жизненно важно для самого существования бизнеса. А чиновник может, например, потребовать четверть или половину. Это не так важно. Важно, что он выстраивает свою схему, в которой является распорядителем либо финансовых потоков — бюджетных, либо других ресурсов. И очень часто люди, которых все считают предпринимателями и которые являются потребителями бюджетных средств, напрямую и очень жестко притянуты к бизнес-схемам чиновников. Более того, ими дело не ограничивается: они, в свою очередь, являются распространителями влияния чиновников на

тех предпринимателей, которые напрямую не являются потребителями государственных ресурсов. Таким образом, чиновники через предпринимателей, вовлеченных в их бизнес-схемы, также влияют на предпринимателей, которые являются либо поставщиками услуг этим предпринимателям, либо получателями их услуг. В этом смысле сектор свободного рынка исчезающе мал. Что это значит для нашей темы? Что кредитование между зависимыми людьми не добавляет доверия в их отношения, так как каждый из них и их бизнес зависят от того, насколько они приятны чиновникам. Доверия в том смысле, в котором его употреблял Франклин, нет.

Я правильно понял? Если Бенджамин Франклин писал, что для буржуа честность определяет кредитоспособность, то в нашем случае она не играет роли, потому что гарантом служит не личная честность, а поручительство чиновника?

Да. Причем посмотрите, что получается. Если мы перейдем на уровень регионального бизнеса, который упирается своим верхом в команду губернатора, то в этом случае кредитоспособность предпринимателя зависит не от того, насколько у него в настоящий момент успешен бизнес, не от его планов или его честности, а от устойчивости команды губернатора. Если вдруг завтра прокурор некой области заведет уголовное дело на губернатора и тот уйдет, то рухнет или сильно повреждается вся пирамида бизнеса, который упирается в его команду. В этом смысле, если отвечать на вопрос, нужно ли самоопределение буржуазии и нужно ли его стимулировать, то понятно, что нужно. И ясно как. Нужно разрушить саркому чиновничьего бизнеса.

– Возможно ли это? Насколько я понимаю, эта система сама себя воспроизводит. То есть предприниматели тоже являются ее частью, и многие, может, по-другому и не представляют своей жизни. Кто же тогда ее может разрушить?

– Если это поручать чиновникам, как происходит в последние два года, то выхода из сложившейся ситуации не будет.

Потому что ресурсы, которые поддерживают данную систему, себя не проявляют. Но эти ресурсы, на мой взгляд, преодолеют любой указ президента и любое давление и противодействие силовых структур потому, что они с ними несоизмеримы.

— То есть это не формальные структуры, которые может разрушить формальное вмешательство?

— Совершенно верно. И эти неформальные структуры сложились в России очень давно, а точнее, после административной реформы Михаила Сперанского. Собственно, с тех времен и существует «первое правило российского чиновничества», которое я кратко сформулировал бы на современном языке приблизительно так: ни одно государственное уложение не должно быть прописано так, чтобы оно могло быть исполнено без участия чиновников. Я убежден, что в начале девятнадцатого века это было абсолютно верно. Более того, реформа Сперанского скрепила через чиновника Россию, и это дало стране возможность развиваться. Но сейчас такая жесткая схема уже мешает нам развиваться. И поэтому, на мой взгляд, с ней надо бороться. Причем бороться путем отсечения или, точнее говоря, замены норм, которые позволяют чиновнику напрямую воздействовать на чужие активы. Замены их на автоматические нормы там, где это возможно, либо на распределительные, действующие по определенным механизмам с заданными критериями.

Я разделяю коррупцию на пещерную и беловоротничковую. Пещерная коррупция является следствием того, что у чиновника есть одна норма, которую он, как гаишник на дороге, эксплуатирует, торгуя своей совестью. Проехал водитель, превысил, скажем, скорость, и гаишник может либо составить протокол административного нарушения, либо заметить его на другую степень воздействия. Скажем, на кошелек водителя. Такая коррупция — пещерная, и по своей природе она, безусловно, отличается от коррупции, которая воз-

никает в случае рыбных квот или строительства в Москве. Чем она отличается? В первую очередь тем, что в случае беловоротничковой коррупции у чиновника есть совокупность норм из одного или нескольких законов, которая дает ему возможность строить предпринимательскую схему. На основании одной нормы предпринимательскую схему построить нельзя.

Приведу пример. Коррупция, возникающая вокруг рыбных аукционов и рыбных квот, — это, соответственно, коррупция пещерная и беловоротничковая. Как возникает коррупция на уровне рыбных аукционов? Покупается дорого одна квота, и потом под нее вылавливается гораздо больше. И если это обнаруживают, скажем, пограничники, то им дается взятка.

При распределении рыбных квот возникает другой механизм коррупции. Распорядитель этих квот является получателем «отката», и он же следит за тем, чтобы никто, кроме допущенных в этот бизнес, ни одной рыбки не выловил. И в таком случае рыбный бизнес конкретного предпринимателя очень быстро или меняет собственника, или погибает, потому что губернатор имеет возможность распределить квоты только между «своими» людьми, которые автоматически становятся менеджерами «своего» бизнеса. То есть в случае рыбных квот никаких взяток может и не быть просто потому, что весь рыбный бизнес фактически находится в собственности у чиновника. Опосредованно, но в собственности. Ему нет смысла самому себе давать взятки.

— И что делать?

— Надо вычленять нормы, отдающие бизнес в руки чиновника, и изменять их, зачастую в пользу пещерной коррупции. В конкретном случае с рыбой открытый аукцион при всех возможных издержках, на мой взгляд, принципиально лучше квотирования. Пещерная коррупция — поле для работы правоохранительных органов. И это плохо, но не трагично. А вот

и ее возмещает Путин

беловоротничковая коррупция просто сожрет Россию. Ее не только можно победить, но обязательно нужно это сделать. Иначе Россия навсегда проиграет экономическое соревнование.

— Давайте вернемся к проблеме кредита. Если бы доступ к финансовым ресурсам был свободным, появилась бы возможность независимого предпринимательства, по крайней мере в тех сферах, где не требуется каких-то особых разрешений чиновников? Или таких областей нет? Скажем какое-нибудь пошивочное дело...

— Вы взяли удачный пример. Удачный, потому что он не связан с бюджетом. В этом случае работают другие механизмы

Я делю бизнес на мелкий, средний и крупный не так, как принято в законодательстве — по количеству работников или по объему производимой продукции, а по тому, какой чиновник может этот бизнес закрыть. Мелкий бизнес может закрыть пожарный или милиционер. Это небольшое предприятие или торговая точка. Средний бизнес может закрыть вице-губернатор. Крупный бизнес вице-губернатор закрыть не может, но это могут сделать другие, как мы теперь знаем. Такая классификация охватывает любой бизнес, в том числе пошивочный. Пусть у меня как у губернатора во всех остальных секторах уже все хорошо, то есть я свои пирамиды построил. Но мне, например, интересен пошивочный бизнес, потому что в нем, предположим, рентабельность вдруг стала достаточно высокой. Я ставлю вашего портного перед выбором. Либо он встраивается в мою конструкцию, отдает какие-то акции, либо я нахожу возможность его закрыть. Это самое простое, что можно предложить. А если я его выдавливаю из области и бизнес его тем не менее мне интересен, я могу заполнить освободившуюся нишу своими предпринимателями.

— И какой же выход? Получается, что сами предприниматели не в состоянии никак решить эту проблему, так как они разобщены, конкурируя за доступ к чиновнику.

Но дума, а референдум!

Разрушение этой конструкции возможно только на площадке Государственной думы. Только законодатель может это сделать. Причем понятно как. Бизнес-сообщество должно само сгенерировать антикоррупционный законопроект. Этот законопроект должен быть построен в виде таблицы из двух столбцов, где левый столбец — это действующая норма, позволяющая чиновнику напрямую распоряжаться чужими активами, а правый — альтернативный автоматический механизм исполнения этой же функции без принятия чиновниками существенного решения. И если данная таблица будет составлена по всем группам корпоративных законов, то она просто в силу своего существования, в силу неформального восприятия ее бизнес-сообществом может стать той самой идеей, которая, если будет подхвачена массами предпринимателей, станет движущей силой. Чтобы этот проект стал родным для бизнес-сообщества, оно должно само его создать и продвигать, потому что ни законодатель, ни чиновник, никто другой за бизнесменов этого не сделает.

В данном случае я говорю о бизнесменах как о единой социальной группе, потому что даже те люди, которые работают в предпринимательских схемах чиновников, чувствуют свою ущербность как предприниматели, и их это положение дел, безусловно, не устраивает. И они прекрасно понимают, как сказал один из сопредседателей «Деловой России», что «кому, кроме нас, этот закон составлять, кто, кроме нас, знает, когда, сколько и по какому поводу мы носим деньги чиновникам».

Поэтому в рамках «Деловой России» или других предпринимательских объединений это сделать наиболее логично, естественно и просто. И понятно, что делать это нужно с помощью современных электронных форм общения. Ведь мне как эксперту, который работает над составлением проекта этого закона, важно мнение не только своих коллег, но и, условно говоря, бизнесмена из-под Иркутска. Опросить его напрямую нельзя, добраться до каждого из них тоже, а раскрутить интернет-сайт и получить отклики — можно.

Конечно, даже если этот текст будет написан, быть уверенным, что его обязательно примут, нельзя. Более того, его не примут потому, что ресурсы, еще раз повторяю, которые встанут поперек подобного законопроекта, огромны. Хотя широкой публикой они просто не осознаются. Чтобы ресурсы стоящие за таким законом, были сравнимы с теми ресурсами, которые сегодня могут противостоять ему, должно пройти четыре-пять лет. Потому что за эти годы произойдет радикальная для нашего общества замена старых команд губернаторов на новые. Я уверен, что срок, когда истекают полномочия старых команд, станет стартовым для возможного выхода из коррупционного капкана.

— То есть нужно ждать, пока появятся новые губернаторы, новые команды, не втянутые в эти схемы?

— Да. Я с интересом наблюдал изменения, которые происходили в Приморском и Краснодарском краях и в Камчатской области после смены губернаторов. Даже если это было, как например, в Краснодарском и Приморском краях, где уходящий «батя» сажал вместо себя «сынка», которого он думал, что контролирует. Этот сынок выходил из-под контроля если не на следующий день, то через день и начинал разрушать пирамиду старого губернатора, строя из нее свою. Через полтора-два года вместо монополии возникала дуополия.

Понятно, что пока это касается нескольких регионов и нескольких старых губернаторов, которые почувствовали это на себе. Но как только это явление станет массовым, критическая масса новых команд губернаторов, которые строят свои пирамиды, безусловно, станет тем самым лоббирующим ресурсом, который захочет зафиксировать свои права, то есть сделать наши законы более консервативными, чтобы следующая команда губернаторов через восемь лет не могла бы «съесть» результаты предыдущей работы. А это означает, что им будет необходимо зафиксировать титул собственника и распределение собственности. Это не решит сразу проблему

1 - феодализм!
 бюрократизации страны. Более того, в следующие восемь лет передел собственности в пользу действующих чиновников будет продолжен. Однако в случае принятия консервативных по духу законов будут созданы предпосылки для будущего развода титулов собственников средств производства и политической элиты.

Но может быть, все эти подвижки возможны только в том случае, если в стране произойдет смена политической власти в целом? К власти придет оппозиция и прервет эту цепочку?

И, пожалуй, не соглашусь. Проблема не в центральной комиссии. Если представить себе, что команда, которая находится у власти, абсолютно разделяет те предложения, которые я сейчас изложил, — а мне иногда кажется, что она их разделяет, — все равно я уверен, что у нее ничего не получится. По тем причинам, которые я уже называл. Ресурсы, которые этому противостоят, могут быть побеждены только при существовании хотя бы сравнимого поддерживающего экономического ресурса. Сегодня его нет. И поэтому только политического ресурса центра, силового ресурса будет недостаточно.

- То есть получается, что этот процесс, с одной стороны, должен быть организован сверху, а с другой стороны, это процесс достаточно длительной смены в первую очередь региональных элит. И надо найти критический момент, когда эта смена будет достаточно массовой, чтобы переключить ситуацию. *Региональные элиты могут меняться только в результате перестройки всей страны*

- Я считаю именно так. Критическая масса понимания может возникнуть через пять лет. И именно в этот момент нужна соответствующая политическая воля и общественная поддержка, адекватная силе сопротивления.

То есть все эти годы текст нашего законопроекта должен висеть в Интернете. Он должен найти общественный отклик и общественное признание. !!!

— Мне кажется, что тот сценарий, который сейчас у нас вырисовывается, носит какой-то монархический характер. Мы ждем, что наверху должна появиться некая воспринимающая наши идеи личность, которая решит осуществить необходимые перемены. Не получается демократический сценарий, реализация предлагаемых вами идей через структуры гражданского общества.

— Не получается, к сожалению.

— А возможен ли, на ваш взгляд, демократический вариант: создание политической структуры, которая через пять-шесть лет себя реализует, держа в руках это знамя?

— Тот сценарий, который я сейчас излагал, мне представляется реалистичным. Но я готов на секунду превратиться в романтика и посчитать, что вывешенный в Интернете вариант законопроекта явится сам, как когда-то доклад Римского клуба, текстом, который оказывает революционизирующее влияние на жизнь общества. В принципе это возможно. И меня бы такой вариант, конечно, устроил гораздо больше, потому что я никогда не был «монархистом».

Но никаких реальных признаков того, что это может произойти само собой, без участия центральной власти, нет. И я излагал «реалистический» сценарий именно потому, что в нем я не вижу внутренних противоречий. В любом случае у нас на мой взгляд, осталось пять лет, чтобы начать вырываться из ловушки бюрократического ^{Фондизма} капитализма, в которой мы сейчас находимся. Это время можно провести с пользой, составляя российский вариант по-настоящему антикоррупционного закона.

*Вот так: от фундамента — к обшес.
Бюрокрации капитализму!*

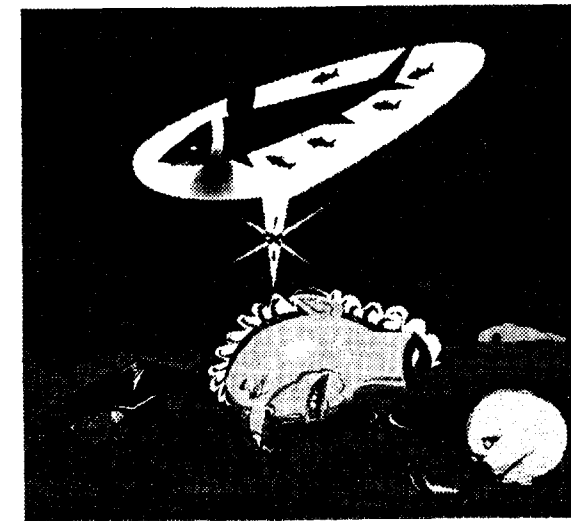
Судиллия

Февраль 2005

— Очень хорошо, — сказал Иван Васильевич по окончании чтения. — Теперь вам надо начать работать над этим материалом.

«Театральный роман»

Государство сделало для судебной системы все, что смогло. Теперь за дело должны взяться люди — и российский суд наконец заработает по-человечески.

Так как же обстоят дела в нашей судебной системе?

Глава администрации президента Медведев говорит, что судебная реформа в России состоялась; суд независим — и давайте спокойно работать. Прежде всего — над повышением

авторитета судебной системы. Сказал он это 31 января 2005 года на совещании председателей судов в «Президент-отеле».

Прежний куратор судебной реформы, ныне полпред президента в Южном федеральном округе Козак говорит, что ситуация в судебной системе *катастрофическая и угрожающая*: «Люди убеждены, что эта система поражена коррупцией и правды там найти невозможно. Если люди не верят в судебную систему, то невозможно надеяться на прогресс в экономической и политической ситуациях». Более того: «Если в суде можно найти правду за деньги, то это начало развала государства», — в судебной системе нужно срочно «навести порядок». Говорил он это четырьмя днями раньше, в Ростове, на совещании с представителями президента в квалификационных коллегиях судей.

Случай, казалось бы, рядовой: не в первый раз государевы люди почти одновременно делают плохо стыкующиеся заявления. Но слишком уж важен предмет разногласия. Если прав Медведев, то у нас в стране, в общем, все хорошо: раз суд независим и работоспособен, то все остальное помаленьку наладится — надо не дергаться, а спокойно работать. Если прав Козак, то наше дело дрянь — что в экономической, что в политической, что в общественной жизни; всякие же хлопоты с монетизацией, с партстроительством или, там, с курсом рубля — лечение насморка в лепрозории.

Кто же из них прав? Как ни странно, оба. Один прав в том смысле, что судебная реформа действительно состоялась, а другой просто прав.

Судебная реформа состоялась — и нужно на какое-то время, хотя бы на несколько лет, прекратить резкие телодвижения в этой сфере. Сфера-то больно сложная, тонкая; по-хорошему в ней бы не только хирургии, а и терапии не допускать и действовать исключительно гомеопатическими методами. Даже если есть ощущение, что в многосложном ходе судебной реформы мы где-то перестарались, а где-то недотянули (а такое

ощущение, бесспорно, есть), нужно сушить весла. Необходимо принять уже сделанное как данность — обживать возведенные за десять лет стены и терпеливо латать трещины. Да, сегодня эти трещины — прав Козак! — создали крайне угрожающую ситуацию. Но с ней можно справиться и не ломая стен — о том, как это сделать, мы сейчас и расскажем.

Что в судах не так и почему

Коррупция. Все говорят (а опытные люди *знают*), что она есть, но официально ее нет: за весь 2004 год, как сообщил в «Президент-отеле» председатель Верховного суда Лебедев, осужден по таким основаниям (ст. 305 УК — вынесение заведомо неправосудного приговора) ровно один судья и в отношении еще шестерых дела рассматриваются. Стало быть, так: коррупция есть, но существующая система ее не ловит.

Тирания председателей суда, диктующих своим судьям, какие решения принимать по тому или иному делу, и быстро расправляющихся с непослушными. Лебедев на том же совещании негодовал: «Говорят, что председатели судов у нас деспоты, неугодных судей терроризируют, на квалификационные коллегии давят. Но как надавишь? В квалификационных коллегиях треть — представители общественности, подави-надави — завтра вылетишь с работы». Но жизнь показывает, что надавить можно (наиболее распространенный способ мы опишем чуть ниже). В СМИ просачиваются истории с пикантнейшими подробностями — например, о председателе Мосгорсуда Егоровой и бывшем судье этого суда Кудешкиной — и публике прекрасно известно, чем они заканчиваются.

Пример 1: Совсем не мелочь

Нарушаемая норма АПК: статья 152 «Срок рассмотрения дела и принятия решения».

Истец, мажоритарный акционер, отодвинутый от управления, оспаривает решения общего собрания. Иск принят в феврале. Предварительное рассмотрение назначено на август.

Совершив такое процессуальное нарушение, судья развязывает себе руки: теперь он может отодвигать рассмотрение сколь угодно долго, не совершая новых грехов перед кодексом. Что за это время станет с имуществом бывшего мажоритарного акционера? То, чего захочет бывший миноритарный акционер.

Мораль: не считайте несоблюдение сроков малозначительным нарушением. И перестаньте нам рассказывать, что судьи перегружены, — это не наше (общества) дело. Наймите больше судей, найдите большие помещения.

Неловко, конечно, но приходится провозгласить банальность серьезно улучшить положение в судах можно только за счет усилий заинтересованных кругов общества. Да, у нас (чуть ли не впервые в истории) в квалификационные коллегии входят формально независимые юристы, но этого мало. Судейская корпорация была и остается (и, конечно же, останется!) замкнутой и без повседневного общественного контроля продолжит загнивание.

Никакие меры *внутри* судебной системы быстрого, а может и вообще никакого заметного эффекта не дадут. Вот, скажем сейчас предлагается ежегодная ротация председателей суда. Поможет это? В какой-то степени — да, особенно если внутри суда сложатся контролирующие друг друга группы — этакая локальная многопартийность. Но принципиальных изменений от такой меры ждать странно. В смысле изгнания непокорных судей ежегодно сменяемая тирания, конечно менее опасна, чем несменяемая, но все-таки достаточно опасна; а уж маниакального стремления выносить сор из корпоративной избы никакая ротация заведомо не породит. Или скажем, обязательная и оперативная публикация всех судебных актов, которой потребовал там же, в «Президент-отеле», г-н Медведев. Обеспечить ее, конечно, нужно, но доли неправосудных решений от одного этого тоже не сдуется. Ну не понравилось кому-то вывешенное в Сети решение — и что? Судья застесняется? Так стыд не дым, а апеллировать

и сейчас можно. Говорите, вокруг некачественных решений возмущается общественное мнение? Допустим, возмущится — ни чем скажется это возмущение?

Нет и ответ на вопрос, что в российской судебной системе не так. Не хватает механизма, который бы четко и бесстрастно учитывал, взвешивал и претворял в действие конкретные претензии конкретных людей к работе конкретного судьи. То есть сам-то механизм имеется — ККС (и Козак прав: именно в квалификационных коллегиях должен быть центр работы по очищению судов), и жалобы на судей они принимают, но это в их работе лишь маргинальная часть. Вот и ответ на вопрос, что делать: изменить технологию (не принципы — судебная-то реформа состоялась! — а только технологию) этой самой работы.

Что предлагается

Перестанем себя обманывать: поток купленных, продавленных силой и (или) безграмотных судебных решений мы сегодня останавливать не умеем. Поэтому давайте прекратим инсценировки и заламывание рук — и подойдем к делу с другой стороны.

Акулы легко прорывают сеть. Но акула никуда не плывет без рыбок-лоцманов¹. Если некто научается *гарантированно* отстреливать эту мелкоту, то акулы через его сети прорываться перестают.

Суд есть процедура. Любое неправосудное решение (акула) непременно связано с нарушениями конкретных процессуальных требований — они и суть рыбки-лоцманы. Это утверждение настолько важно, что мы позволим себе его повторить: неправосудных решений без процедурных неувязок не бывает — решение, вынесенное в безупречном соответствии

¹ Мы отдаем себе отчет в ихтиологической неточности этой фразы, но уж больно нам метафора нравится.

с установленными законом процедурами, правосудно и определению. А если все-таки сыщется на Руси двое или трое судей, способных выносить «левые» решения, не нарушая процедур видимым образом, то и Христос с ними. Пусть себе выносят — пока начальство не найдет таким фантастическим мастерам какого-нибудь более возвышенного занятия¹.

Нарушения процедур, допускаемые в судах, весьма многообразны (три примера приведены во врезках), но для наших целей мы разделим их всего на две части. Во-первых, нарушения бесспорные — такие, что, констатируя их, тяжущиеся стороны могут представить объективную доказательную базу. Во-вторых, нарушения спорные, «мутные», по поводу которых непобиваемые доказательства в нынешних условиях предъявлены быть не могут. Граница между ними подвижна. Так, многие виды нарушений, сегодня безнадежно «мутных», перейдут в разряд бесспорных, когда (и если) в Интернете начнутся видеотрансляции судебных заседаний о которых говорил на том же совещании г-н Медведев. Мы предлагаем отстреливать только ярких рыбок-лоцманов — отслеживать только бесспорные нарушения. Делаться же это должно так.

Получив жалобу на судью N, нарушившего процедуру, квалификационная коллегия заносит на его «счет» определенное количество штрафных баллов — как бы «карандашиком». Судью об этом, естественно, извещают — и он имеет возможность опровергнуть жалобу. Если за определенный срок —

¹ Для полноты следует добавить, что бывают еще решения, вынесенные в условиях коллизии между различными нормативными актами, но в таких случаях претензии должны быть обращены не к судье, а к законодателю. Конечно, бывают и процедурно аккуратные решения, нарушающие нормы материального права, — в мотивировочной части вместо «черное» попросту написано «белое»; их мы здесь не рассматриваем по двум причинам. Во-первых, для таких случаев и существует апелляция, при которой защитить неправомерное решение, не нарушая процедуры, чрезвычайно трудно. Во-вторых, оздоровление судебной системы, предлагаемое ниже, минимизирует и количество подобных случаев.

и ниже, за две недели — жалоба судьей опровергнута, «картиндашик» стирается; если не опровергнута, штрафные баллы списываются уже «чернилами». Когда на счете судьи набирается некое заданное количество баллов, ККС *автоматически* выносит решение о досрочном прекращении его (ее) полномочий. Ни по какой другой причине ККС полномочий судьи не прекращает. Просто? Чрезвычайно просто. Поэтому преобразит суды.

Пример 2: Лоцман, вопиющий об акуле

Нарушаемые нормы АПК: глава 19 «Судебное разбирательство». Судья после проверки полномочий представителей сторон и начала рассмотрения их ходатайств (о привлечении третьих лиц, истребовании доказательств и пр.) удаляется «на совещание» и, посоветовавшись сама с собой, оглашает изумленным сторонам решение по делу. Громадье совершенных при этом процессуальных нарушений (пропущено сразу несколько обязательных стадий процесса) может быть спрятано просто: стороны получают абсолютно приличный протокол, где все стадии будут налицо, — только получают его на пятый день, когда истечет установленный законом срок подачи замечаний к протоколу. Дата на протоколе, разумеется, будет правильной, а аудиозапись процесса ККС сегодня может принять к рассмотрению, а может и не принять. Вот когда будет видеозапись...

Что из этого впоследствии

Что произойдет, когда (тут мы не говорим «если» — мы убеждены в своей правоте) этот механизм вступит в силу? Прежде всего, *немедленно* исчезнет основной пресс, с помощью которого сегодня председатели судов держат в безропотном подчинении судей. Он до обидного прост: на неугодного судью аппарат суда активнейшим образом собирает весь возможный компромат — и шлет в ту же ККС. Судью вызывают туда и говорят: что же это у вас целых десять случаев нарушения установленных законом сроков рассмотрения дел?

Судья говорит: помилуйте, в соседнем кабинете таких случаев триста! Судье отвечают: с соседним кабинетом мы в следующем разберемся, а сегодня мы рассматриваем вашу работу и прекращают бедолаге полномочия. Предлагаемый нами механизм прикончит эти игры: напомним, у нас гильотина КК срабатывает автоматически — и притом срабатывает исключительно по одной причине. Способа без очереди запихнуть под нож хорошего судью, на наш взгляд, не остается.

Пример 3: Еще более заметный лоцман

Нарушаемые нормы АПК: статья 170 «Содержание решения» статья 271 «Постановление арбитражного суда апелляционной инстанции».

Процедура, обязывающая судью мотивированно оценивать все представленные доказательства, не соблюдается практически никогда. Сторонам не помогает даже заимствованная у наших заокеанских друзей манера — нумеровать доказательства. Судья все равно выбирает самое, на его взгляд, слабое звено — и оттаптывается, обосновывая свое решение только на нем. Как ни повальное это нарушение, его следует оценивать серьезной суммой штрафных баллов, ибо именно оно лишает стороны возможности содержательно обжаловать судебный акт, маскируя (во всяком случае, иногда маскируя) нарушения норм материального права.

Этот пример очень важен: он показывает, что гарантировать правомерность судебных актов без наведения процессуального порядка невозможно в принципе.

Но главная цель предлагаемого нововведения — выбраковка нечестных, непрофессиональных и вообще негодных судей — будет достигнута не сразу. Чтобы этот процесс пошел, нужна некая критическая масса грамотных и хорошо обоснованных жалоб на нарушение судьями процедур. Впрочем, возникновение такого потока едва ли заставит себя долго ждать: ясно же, что примерно половина людей, приходящих в суд, остаются недовольными полученным результатом. Среди недовольных достаточно много — и с каждым днем

становится больше — толковых юристов, которые быстро обучатся облекать свое недовольство в четкие указания на конкретные процедурные прорехи. Да и чуждые юриспруденции граждане вскоре привыкнут в таких случаях находить знатоков. И дело пойдет.

Им, разумеется, скажут, что наши предложения приведут к перегрузке и выходу из строя слабых аппаратов квалификационных коллегий — так хакеры многомиллионными потоками обращений перегружают и выводят из строя беззащитные сайты. Мы ответим: пустяки. Дайте на эти аппараты чуть больше денег — только и всего. А хотите сэкономить, посылайте работать в аппаратах ККС студентов старших курсов юридических факультетов — для ребят это будет преодолеваемая практика, а платить им можно поменьше.

Между прочим, ход со студентами хорош не только в бухгалтерском отношении. Еще раз: привести судебную систему в божеский вид нельзя без активного общественного контроля. Нельзя же считать, что, сформировав ККС на треть из работающих в суде лиц, мы уже контроль обеспечили, — во всяком случае, авторы не знакомы с человеком, который бы всерьез так думал. Мы, собственно, и предлагаем не что иное, как механизм неусыпного общественного контроля — и будет очень уместно, чтобы в его построении приняли участие люди молодые и по одному этому не вполне чуждые романтизма.

Что для этого нужно сделать

Не так уж и много. В Федеральный закон «О статусе судей» нужно внести маленькое, не изменяющее его концепции (судебная реформа-то состоялась!) изменение: в статье 12.1, в том месте, где говорится о досрочном прекращении полномочий судьи, должна появиться отсылка на другой закон.

Этого закона пока нет, но он насущно необходим. Ведь очевидна же лакуна: сам судебный процесс жестко формализован

кодексами, а выработка суждений о том, насколько судьям кодексам следует, не формализована вовсе. Из описания Лунуна следует концепция нужного закона. Он должен состоять из трех разделов; структура одного из них должна соответствовать структуре Арбитражного процессуального кодекса, другого — структуре Гражданского процессуального кодекса, третьего — Уголовно-процессуального. Здесь не место суждать детали, но общая идея проста: новый закон должен установить «цену» в баллах *бесспорному* нарушению судьей любой процедуры, установленной кодексами, а возможным и некоторым *бесспорным* комбинациям нарушений. Например, нарушение любой процессуальной нормы, содержащей ограничение по срокам, автоматически карается стольким-то штрафными баллами. Отказ истцу в требовании заменить предмет иска (кодекс императивно обязывает принять такое требование) — столькими-то баллами. А дальше — как было сказано: жалобы текут в ККС; там их оцифровывают и вписывают в нужные строки; когда строка заполняется гильотина — вжжик!.. «И все, мистер Додсон?» — «И все, мистер Фогг!»

То есть в идеале можно было бы, пока пишется новый закон, сделать и еще несколько напрашивающихся вещей. Например, аккуратно дополнить АПК, обязав суд фиксировать по дням окончания каждой стадии процесса (см. пример 2), благо в уголовном процессе подобное установление давно в ходу. Но и без этого будет неплохо.

Напоследок

Точнее говоря, будет очень даже хорошо — см. выше.

Здесь авторы считают уместным заверить читателя, что они не идиоты и прекрасно понимают, что панацей не бывает вообще и что предлагаемый механизм панацей тоже не является. Он не панацея даже для судебной системы, поскольку отсутствие объективной и вытекающей только из закона оценки ра

биты судьи — без сравнения главное, но все-таки не единственное препятствие для адекватного отправления правосудия в России. Тем паче он не панацея в более общем смысле, поскольку неадекватность судебной системы есть главное, но тоже никак не единственное препятствие возрождению страны¹.

Со всем тем, мы убеждены как в благотворности предлагаемого механизма (особенно замечательной, если учесть сравнительную ничтожность трудовых и прочих затрат на его внедрение), так и в том, что против него просто-напросто нечего возразить. Во всяком случае пока ни один из специалистов, с которыми мы обсуждали эту идею, не смог выдвинуть ни одного *белого* контраргумента.

Хотя один-то есть: с ума посходили. Десятилетиями — да что там, веками! — люди бьются с пороками российского суда — и тут приходят два коня в пальто и рассказывают, как мигом все обустроить... Что ж, как этот довод ни влогичен, сила его велика. Но и на него, как нам кажется, можно ответить — причем двойко.

Можно ответить без затей: да, пришли и рассказываем. Простые решения сложных проблем находятся нечасто, но все-таки иногда находятся — недаром же все европейские языки держат для таких случаев как минимум две идиомы: *колумбино яйцо* и *гордиев узел*. Есть что возразить по существу — милости просим, нечего возразить — согласись.

Можно ответить и содержательно, смиренно указав, что предлагаемый в этой статье механизм есть всего лишь контиминация трех или четырех банальностей. Мы исходили из нескольких давно известных и абсолютно бесспорных по-

---

¹ Мы бы взялись доказать, что адекватная судебная система не только необходима, но и достаточна для возрождения России, — при неограниченности отпущенного на него времени. Поскольку же такое условие явно не реалистично, помимо оздоровления суда необходимы и некоторые другие работы.

1.

2.

3.

ложений. Против того, что замкнутой корпорации необходим общественный контроль, кто-нибудь возьмется возжажать? А против того, что дисперсный частный интерес способен отслеживать касающиеся его сюжеты бдительнее, чем любая отстроенная организация, будь то общественная и казенная? Или против того, что единственная надежная заручка от коррупции — это жестко формализованная процедура, нарушения которой нескрываемы? Если эти простые соображения неоспоримы, то неоспорим и предложенный механизм, поскольку он и есть простейшее их соединение (Оговоримся: простейшее — на наш взгляд; если сыщется механизм, реализующий те же банальности *еще проще*, а значит, еще полнее, мы сразу станем его верными сторонниками.) Сегодня, к счастью, у нас налицо все условия, чтобы это соединение — то есть эти бесспорные принципы — наконец реализовать в российской судебной системе. Осталось только найти субъект законодательной инициативы, готовый включиться в такую работу, — дело хоть и трудное, вполне статочное.

Конечно, рецепты, подобные изложенному, очень пригодились бы и в прочих областях российской жизни, но увы: судебная-то реформа состоялась, а другие (административная, политическая и пр.) — нет. Давайте начнем с суда.

Эпидемия из «одного окна»

Октябрь 2005

Чаще всего выход там, где был вход.

С. Е. Лец

Закон о госрегистрации юридических лиц породил эпидемию преступлений против собственности. Закон должен быть изменен, а пока нужно срочно вводить карантин.

Три года и три месяца назад, в июле 2002 года, на российский бизнес снизошла широко разрекламированная благодать: вступил в силу Закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее —

Закон). Долгое время до и некоторое время после принятия он служил главным примером неустанной заботы мудрого правительства о процветании бизнеса, прежде всего малого и среднего: прочтите любое тогдашнее выступление, например, Грефа. Мудрому правительству пытались велико намекнуть, что тяготы с регистрацией бизнеса составляют исчезающе малую долю тягот отечественного предпринимателя, пусть даже самого некрупного, но правительство не вняло: оно лучше знает, чем кого осчастливить, — и потолкнуло Закон.

Гром не из тучи

По этому Закону обязанность регистрировать «акты гражданского состояния» юрлиц (учреждение, слияние, разделение, ликвидация и пр.) перешла от специальных контор (регистрационных палат) к органам налоговой службы, причём процедура регистрации заметно упростилась. В частности отменены проверки предоставляемых при регистрации данных, а также проверка на уникальность названия нового юрлица; стало возможным регистрировать и юрлицо, и различные изменения в его данных по почте.

Что из этого вышло? Много. Только обещанного облегчения жизни предпринимателям не вышло, что может быть наглядно доказано. Есть такая профессия: *ускорители*. Эти люди, за плату берущие на себя регистрационные хлопоты раньше в регистрационных палатах, теперь в налоговой инспекции. За регистрацию, например, нового юрлица московские ускорители как до Закона брали \$200–300, так и теперь берут столько же. Услуга это нехитрая, рынок покупателя ценообразование абсолютно конкурентное, так что стало проще — брали бы меньше.

Много же вышло из Закона в том смысле, что перед предпринимателями, вообще не обремененными совестью, открылись волшебные перспективы. Теперь *кто угодно мож*

угодить кого угодно в считанные дни, затратив несколько сотен рублей. Впрочем, насчет «кого угодно» нужно сделать важное уточнение.

Отечественные компании делятся на две, во всех смыслах неравные, категории. Переделы собственности, принадлежащей компаниям первой категории, суть дело политическое, и человек с улицы влезть в таковые переделы заведомо не способен, а потому и обсуждаемый Закон этим компаниям не страшен. Имущество же всех остальных компаний России после вступления в силу этого Закона отдано в полное распоряжение первому попавшемуся мерзавцу. Если ваша, уважаемый читатель, компания принадлежит к первой категории, а с компаниями второй категории ни вы, ни ваши родные и знакомые никаким образом не связаны, а на те девяносто девять процентов населения страны, которым не так сильно повезло, вам плевать, то поберегите себя: не читайте дальше. Зря расстроитесь.

Мы же, авторы, расстроены уже давно. Мы несколько раз собирались написать о неисчерпаемом источнике преступлений, которым стал Закон о госрегистрации, и каждый раз отступались от этой затеи: нам не хотелось становиться учителями грабежа. Мы все надеялись, что власть — как мы вскоре увидим, прекрасно знающая, что происходит, — и без наших статей примет совершенно очевидные меры, пресекающие регистрационный грабеж. Но власти все как-то недосуг, а ждать больше нельзя. По оценкам практиков в одной Москве происходит до ста случаев подобного грабежа в день. Но хуже всего даже не количественный рост этого рода преступности — еще страшнее совершенствование применяемых методов. Начав с банальных подлогов, бандиты от регистрации постепенно дошли до совершенно уже неизвешиваемых схем. Если с рынка приходят известия о применении таких гнусностей, какие мы еще совсем недавно не только публиковать не собирались, но и между собой-то брезговали обсуждать, то пора говорить в открытую.

Что ж, поговорим в открытую. Схемы, нарочито пунктирно описываемые ниже, уже сегодня массово применяются в практике, и их распространенность нарастает в геометрической прогрессии. Мы не провоцируем эпидемию — мы констатируем.

Архаическая пастораль и борьба с нею

Первые год или полтора после вступления Закона в силу было скверно, но не очень. В моду входило — и вошло — простейшее использование его даров, примерно такое. Человек, желающий украсть компанию (далее — *хакер*), приходит к нотариусу с поддельным протоколом общего собрания акционеров этой компании (далее — *мишени*), в котором говорится о назначении его, хакера, генеральным директором. Там он нотариально заверяет и отправляет в налоговую инспекцию, где зарегистрирована мишень, так называемую форму № 14. Инспекция, получив эту бумагу, вносит соответствующее изменение в ЕГРЮЛ (Единый государственный реестр юридических лиц) — и, собственно, все. Далее хакер, став законным гендиректором мишени, распоряжается ее активами столько времени, сколько сможет, пока собственники и настоящее (для закона — бывшее!) руководство мишени не добьются через суды восстановления своих попраных прав.

Впрочем, не стоит думать о восстановлении как о чем-то гарантированном. Оно не всегда возможно, а уж долгим и дорогим делом окажется непременно: судебному торжеству добра над злом тут препятствуют слишком многие сложности. Начать с того, что непонятно, к какому ответчику должны обратиться иск ограбленные собственники. К хакеру (если тот засветился персонально)? А он причем? Он весело скажет, что получил протокол с приложенными инструкциям

¹ В протоколе может быть названо и третье лицо; оно может быть вымышленным или реальным; реальное лицо может быть бомжем и добропорядочным налогоплательщиком; словом, есть масса вариантов.

по почте и просто сделал так, как предлагалось в инструкции. К налоговой инспекции? А какие к ней претензии? У нее, в соответствии с Законом, всего два повода не внести в реестр присланные изменения: неполнота приложенных документов и «ненадлежащий орган» обращения (по-русски говоря, мишень поднадзорна другой налоговой инспекции); она все сделала правильно. Остается всего один вариант: собственники мишени подают иск против мишени как юридического лица. Но тут выплывает вопрос подсудности. Какой именно суд согласится рассматривать этот иск? С одной стороны, место подсудности определяется юридическим адресом мишени. С другой стороны, хакер, конечно же, уже давно послал в инспекцию форму № 13 — и представит суду доказательства законно проведенного им переезда мишени на Камчатку. Судья переправит дело туда. А у настоящих хозяев мишени на Камчатке и знакомых-то нет. Пока они сообразят, как защищать на дальнем полуострове свои интересы, хакер перерегистрирует мишень в Ингушетию. А потом в Хакасию. А потом с каким-нибудь карманным юристом сольет и перерегистрирует результат в Инту...

Плести ужаснулись открывшейся перспективе и поняли, что надо срочно что-то делать. Но что именно? На Закон, открывший ворота для этого грабежа, у чиновников рука, естественно, подняться не могла. Как можно? Шедевр «дебюрократии»! И они попробовали, не заколачивая ворот, отдельным заборчиком перекрыть самую простую (только что изложенную) схему их прохождения. Федеральная налоговая служба (ФНС) выпустила Письмо от 26 октября 2004 года № 09-0-10/4223, установившее, что заявление в регистрирующий орган о смене руководителя юрлица должно подписываться прежним его руководителем. Что эта мера существенно усложнила жизнь множеству честных предпринимателей и приумножила коррупцию, многие поняли сразу же, но за прошедшие с тех пор месяцы Письмо заблестало еще ярче, чем поначалу.

Так, в нем, помимо всего прочего, есть изумительная фраза: «Государственный реестр имеет правоустанавливающее значение». Впервые читавшие Письмо юристы на этом месте ухмылялись, полагая, что видят всплеск безграмотности какого-то рядового исполнителя. Зря они ухмылялись: вскоре оказалось, что эту новаторскую мысль полностью разделяет высшая инстанция (только что обретшая молодость руководителя) арбитражного суда. Поясним для неюристов процитированные слова означают, что решение акционеров назначающих генерального директора в своей компании, правоустанавливающего значения *не имеет*, то есть третьи лица с решением собственника считаться не обязаны, — сущая революция в цивилистике. Что делать, и не на такие фокусы пустишься, пытаясь защитить то, что защитить нельзя, — очевидный провал обсуждаемого Закона.

Что Письмо не остановит регистрационных грабежей, было понятно сразу. Но лишь со временем выяснилось, что оно заметно ухудшило ситуацию, подтолкнув разохотившихся хакеров к поиску более сложных схем. И схемы, конечно, нашлись — ворота-то открыты настежь! Напомним, что основные новации в Законе три: отказ от проверки представленных документов, отказ от проверки уникальности названий и возможность присылать заявки на регистрацию по почте. Письмо поставило на первой из них маленькую кляксу (как мы дальше увидим, совсем маленькую), но остальные две остались в неприкосновенности, а в них — возможности поопределеннее тупого подлога.

Мерцающие двойники

Вот лишь одна из схем (снова подчеркиваем: не *возможных*, а *вовсю применяемых*), использующих игру с чужими названиями. Хакер регистрирует компанию, по всем параметрам тождественную мишени: то же название, та же организационно-правовая форма, тот же юридический адрес, а ради смеха можно зарегистрировать и того же гендиректора — все э

беспорочно вписывается в рамки Закона. Сравнительно простой вариант последующих событий таков. Каким-либо образом двойник мишени оказывается в серьезном долгу перед сторонним (совсем сторонним, хакер о нем и не слышал ни разу!) юрлицом. Юрлицо подает на двойника в суд — и выигрывает. Получает исполнительный лист и открывает исполнительное производство.

Юмор ситуации в том, что пристав придет с исполнительным листом не к двойнику мишени, а к ней самой. Это же очевидно. Представьте себе, что на такой-то улице в доме пять, квартира четыре, живут два Ивана Ивановича Иванов — один простой, другой виртуальный. Которому из них под расписку вручат заказное письмо, пришедшее по их общему адресу? Так и с исполнительным листом. Мишень будет негодовать, махать руками, доказывать, что никогда не имела дел с юрлицом, которому, оказывается, проиграла какой-то непонятный суд... А пристав скажет: все эти байки — не ко мне. Бумагу видите? Название такое? Адрес такой? Ну и все — и для начала разговора пристав заберет принадлежащие мишени автомобили, потом выставит на торги недвижимость...

И пристав (независимо от того, правда ли, что с хакером он не знаком) будет совершенно прав, потому что признак, по которому мишень все же отличается от двойника, — код ОГРН (основной государственный регистрационный номер) — на исполнительном листе не пишется¹. Не пишется же он потому, что форма листа была утверждена до появления Закона, когда двойников быть не могло, а дополнить ее при принятии Закона никому, конечно, не пришло в голову. Дебюрократизаторы.

Ну, может быть, думаете, что уж такой наглый грабеж легко отстоять, — не думайте так. Авторам рассказали историю

¹ И другой код, ИНН (идентификационный номер налогоплательщика), тоже не пишется. Кстати, а зачем их два?

из Петербурга — как задешево (потому что спешно: при-ва сроки поджимают) продали домик, принадлежавший оредной мишени. И мишень все понимала, и пристав все нимал, а остановить не удалось: продали и даже уже пе продали. Вернуть домик хозяину, спору нет, можно, но будет дело очень долгое и трудное. Дополнительная трность истребования этого имущества по виндикации сосит в том, что добросовестный приобретатель тут же потреет назад деньги у проводившего торги Российского фонедерального имущества (РФФИ), а этого никому особно не хочется — тем более если выгодоприобретатель в аферы так и не будет установлен, то есть государству пдется платить из своих.

Не надо думать также, что в данном случае виной не Зак а тупость чиновников, не догадавшихся внести сопряженн с ним поправку в то место ФЗ «Об исполнительном про водстве», где определена форма исполнительного листа. У игру с двойниками можно использовать не только через полнительные листы — мы вам просто не все встречавши нам схемы рассказываем.

Однако как ни опасны двойники, вошедшие в деловой о рот через обсуждаемый Закон, продиктованные им же п товые технологии стократ опаснее.

Атомная бомба за \$23

До зарождения почтовых технологий в эти подлые игры рали все-таки по большей части профессионалы. Почто технология позволяет включаться в увлекательнейший п цесс передела собственности небогатой молодежи и низ оплачиваемым наемным работникам, никакими особыми выками инвестиционного рейдера не обладающим. Прямо расходы на ее реализацию составляют 640 рублей: оплата п иски из ЕГРЮЛ, содержащей данные по избранной ми ни (200 рублей), оплата госпошлины (400 рублей) и отпра

ценного письма (40 рублей). Плюс грошовая амортизация оборудования — и полное отсутствие совести.

Наш Закон прямо указывает на почтовый способ доставки шивлений установленной формы — и не обязывает налогоплательщиков к юридическому анализу получаемых документов. Поэтому любой человек, умеющий обращаться со сканером, компьютером и принтером, технически готов к такой последовательности действий.

1. С любого реального документа с нотариальным удостоверением сканируются печати и штамп нотариуса.
2. С помощью любого редактора изображений на полученную картинку наводится подобающий легкий флер.
3. С использованием данных мишени, полученных из ЕГРЮЛ, от имени настоящего генерального директора заполняются формы № 13 и 14 — соответственно, внесение изменений в учредительные документы (новый устав с новыми учредителями, новым местоположением, а можно и с новым названием мишени) и внесение в ЕГРЮЛ нового генерального. С помощью принтера формы снабжаются нотариальным удостоверением.
4. В ближайшем отделении Сбербанка уплачивается пошлина, а из ближайшего почтового отделения в налоговую инспекцию, где зарегистрирована мишень, отправляется ценное письмо.

Ис. Дальше работает машина. Налоговики получают письмо — и в течение пяти дней обязаны внести изменения в учредительные документы и в Единый реестр. А раз обязаны, то и внесут.

Мишень, со временем узнав, что более себе не принадлежит (напомним, что запись в ЕГРЮЛ «имеет правоустанавливающее значение»!), кинется в суд и в милицию. В милиции ее встретят не приветливо: там сразу поймут, что на них вешают «глухаря» без всякого субъективного состава, — и под любыми, самыми несуразными предлогами будут в возбуждении

дела отказывать. Но, даже сумев возбудить дело, мишень сам по себе осознает, что радости от этого не много. Сажать некогда гражданский иск по возмещению убытков предъявлять некому. Да и закроют это дело месяца через два.

В арбитраже тоже невесело. Достаточно эффективная в других случаях процедура не поспевает за корпоративными хакерами. Пока мишень — нет, уже *тень* мишени — оспаривает виртуальный, но зарегистрированный протокол, хакер сплавит краденое в другой субъект федерации (см. выше). Субъектов в нашей федерации много; придется несчастным тени нанимать юристов во всех концах страны. При этом хакеру каждая очередная операция будет обходиться ровно в 440 рублей — выписка из ЕГРЮЛ у него уже есть.

Неопытный человек спросит: ну, допустим, поменяли все, что можно, в ЕГРЮЛ — а обещанный передел где? Да где угодно. Если хакер хочет оставаться свободным гражданином своей страны, ему нужно и впредь сохранять инкогнито. В отношении *всех* активов *любой* украденной мишени ему конечно, не уволочь. Но почтовая технология, подкрепленная уже настоящими документами, позволит ему дотянуться, например, до пакетов акций, некоторых категорий недвижимости и даже безнала в нестрогих банках. Все это может быть уведено без раскрытия реальных бенефициаров, поскольку основывается на внезапном и далеко не сразу раскрываемом изменении современных ревизских сказок. Небольшие расходы на пути активов мишени в намеченный каман могут быть велики, но зато остаток равен прибыли хакера — за вычетом 640 рублей.

Нет числа фантастическим триллерам, живописующим бесконечный ужас — портативную атомную бомбу в руках злодея. Закон о госрегистрации сделал эту страшную сказку былью. Описанная только что почтовая технология стоит всего \$23, применить ее может каждый, у кого достанет гнусности, — и от нее нет защиты. Образцовое оружие террора.

Легко предвидеть, что вскоре это оружие начнут, как и в реальной политике, применять отчаявшиеся. Пусть, например, *X* судится с *Y*. Иск по размеру критичен для ответчика. Ответчик *Y* убежден как в несправедливости иска, так и в том, что суд принял от истца *X* определенные внеюрисдикционные аргументы. Перспективы *Y*, по его мнению, печальны — и он решает свои проблемы, повторив за хакера несложную почтовую процедуру применительно к мишени *X*. Он не доводит дело до прямого грабежа — он «всего лишь» за день до судебного заседания направляет в канцелярию суда отзыв всех доверенностей и отказ от иска. В результате *X* навсегда теряет право на подачу иска с этим предметом по этим основаниям. Вам кажется, что поступок *Y* не так уж и плох? Но ведь он мог и преувеличить несправедливость исковых требований... Как ни крути, а *Y* совершил самосуд, причем, в отличие от Юрия Деточкина, заведомо безнаказанный.

Ну, наверное, хватит. Авторы, конечно же, отдают себе отчет в том, что с выходом этой статьи желающих потрогать за органы управления своих корпоративных друзей, а то и собственное начальство может стать еще больше. Поэтому системный анализ и изложение новейших российских методов отъема собственности мы обязаны сопроводить указанием выхода из создавшегося положения. Масштаб и темпы нарастания угрозы таковы, что уповать на развертывание плодотворной публичной дискуссии решительно некогда. Значит, выход следует указать не вообще читающей публике, а прямо тому лицу (тем лицам), которое должно предпринять нужные действия. А посему —

Открытое письмо министру

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь Герман Оскарович!

Разработанный под вашим (и вашего коллеги Кудрина) руководством Закон о государственной регистрации содержит

несколько непродуманных положений, ставших базой для целой новой отрасли преступного отъема собственности. Темпы роста этой преступной отрасли таковы, что действенные меры против нее должны приниматься незамедлительно. И какие подзаконные и ведомственные акты (вроде упомянутого выше Письма ФНС или удлинения срока, отводимого на процесс регистрации, которое активно лоббирует МВД) желаемого результата не принесут, нужно вносить поправки в сам Закон. Так, описанные нами вкратце почтовые технологии не будут пресечены, пока из статьи 9, определяющей порядок представления документов для государственной регистрации, не будут убраны слова «или направляются почтовым отправлением...». Точно так же игры со злонамеренно создаваемыми двойниками реальных компаний прекратятся, пока к двум упомянутым в Законе (ст. 23) основаниям для отказа в регистрации не будет добавлено соответствующее третье.

Но разработка поправок (желательно более продуманная, чем разработка самого закона) потребует некоторого времени: какое-никакое время единокороссам потребуется и на принятие этих поправок. На этот период преступления, связанные с регистрацией, можно и нужно остановить временными мерами: пока законодатель готовится к капитальной закладке дыры правительство должно на скорую руку наклеить заплатку.

Сделать это нужно так. Эта статья выходит в понедельник. Во вторник — на крайний случай в среду — нужно принять правительственное постановление, обязывающее все компании лично принести в налоговые инспекции карточки с образцами подписи первого лица и печати, заверенные по аналогии с банковскими. И пока карточка данного юрлица в налоговой не появится, не регистрировать по нему изменения в ЕГРЮЛ — на том, например, основании (не очень легитимном, но ведь уже используемом!), что заявление подписано лицом, полномочия которого не подтверждены в установленном порядке.

Многие из числа непуганых скажут несколько горячих слов по этому поводу — и будут правы. Не сразу остановятся и хакеры с рейдерами: все-таки любой бизнес обладает известной инерционностью — кто-то попытается пролезть и через новые ограничения. Но зато многие и многие потенциальные жертвы сумеют без потерь дотянуть до разумного усложнения законной процедуры госрегистрации.

Господин министр! Некогда, представив в Думу законопроект, вскоре ставший обсуждаемым здесь Законом, вы опубликовали его апологию под заголовком «Я боюсь простых решений» («АиФ», 21.03.2001). Докажите, наконец, что эти слова истинны. Примите не простое, а разумное решение. Пусть на этой неделе появится постановление правительства, а к концу года — исправленный Закон.

Остаемся с неизменным к Вашему Высокопревосходительству почтением —

Авторы.

Постскрипtum

Мы понимаем, что вероятность реализации наших предложений близка к нулю. Но думается, она существенно возрастет в тот самый момент, когда власти осознают следующее: некоторые из технологий регистрационного разбоя могут со стопроцентным успехом использоваться для ухода от налоговых проверок. Вот тогда они забегают.

Рассуждение о рейдерстве по методу барона Кювье

Май 2007

Устойчивые рейдерские группировки не могут существовать иначе, чем под совместной опекой всех правоохранителей региона — во главе с чекистами.

Тема рейдерства — незаконного захвата предприятий и объектов недвижимости — стала хитом сезона. Собираются крупные столы, где эксперты судачат об этой напасти, и конференции, где народ пытается научиться друг у друга методам защиты от нее. Президент страны выражает обеспокоенность. Видные чиновники делают мрачные заявления. Полпред президента в нескольких округах чуть не хором призываю прокуратуру активнее бороться с этим злом. Генеральная прокуратура, в свою очередь, заявляет, что, конечно же, она берет под свой контроль работу по противодействию рейдерству. Известный адвокат пишет роман «Рейдер», который, по мнению автора, может послужить учебником и рейдерства, и антирейдерства (второе, увы, — более явная похвальба); роман

имеет неплохие шансы выбиться в бестселлеры. Вперебой раздаются голоса о готовящихся и уже представленных законопроектах, которые наконец поставят заслон рейдерству, а также о том, что никакие заслоны невозможны, пока в Уголовном кодексе не появится черным по белому само это слово...

Ну последнее-то, на наш взгляд, — просто ошибка. Слово это очень нужно не только что в УК, но и вообще в обиходе. В начале девяностых мы точно так же зря усыновили слово *киллер*: простые слова *убийца* или *наемный убийца* значат ровно то же самое, не намекая на причастность к прогрессу. Но тогда хоть не просили вписать киллерство в УК, а теперь подобные речи ведут — хотя в кодексе рейдерство не нужно: оно там и так очень неплохо описано. Есть там статьи 330 («Самоуправство») и 159 («Мошенничество»), есть и статья 210 («Организация преступного сообщества»). В смысле же терминологическом там очень хороши вполне относящиеся к делу статьи 161 («Грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества») и 162 («Разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества»). Если бы нынешних мастеров нагло отнимать чужую собственность называли просто грабителями, а не по-киношному романтическими рейдерами, то, возможно, быстрее удалось бы понять устройство этого расплодившегося безобразия (см. ниже «Новый класс хищников»). Пока же широкой публике — да и специалистам — понятно далеко не все. Неизвестно даже, насколько это явление распространено.

Статистика и ее странности

Все согласны: рейдерства стало много; но сколько именно — не поймешь. Заместитель генпрокурора РФ по Центральному округу Малиновский говорит: «Рейдерство достигло таких масштабов, что уже реально угрожает развитию экономики, а отсутствие даже четкой статистики таких преступлений говорит об отсутствии единых подходов в борьбе

с этим явлением». По его словам, в прошлом году в округе было возбуждено 91 уголовное дело по фактам рейдерства, в том числе 53 в Москве и 20 в Московской области. Как это: меньше сотни случаев в год — и угрожает развитию экономики? Прокурор Москвы Семин цифры подтверждает, дополняя их динамикой: 11 «фактов» в 2003 году, а в 2006-м — 53; пятикратный рост за четыре года. Сильно, но на национальное бедствие как-то вроде не тянет.

Больше похожи на бедствие цифры, приводимые главкомитета Госдумы по собственности Плескачевским: с 2003 по 2005 год около пяти тысяч российских компаний сменили своих владельцев обсуждаемым образом; это — плюс динамика по Семину — уже вполне макроэкономический фактор. Но совсем мрачную и, на наш взгляд, самую правдоподобную статистику дают люди нечиновные. Так, сотрудник Санкт-Петербургского юридического института Генпрокуратуры РФ Елена Валласк, ссылаясь на данные консалтинговых агентств, говорит, что в РФ ежегодно совершается 60–70 тысяч рейдерских атак. Вот это уже совсем беда. Откуда в цифрах расхождение на три порядка, понятно: люди говорят о разных вещах. Нечиновные говорят о количестве рейдов, а прокурорские — о числе возбужденных по таким фактам уголовных дел, а их и вправду совсем мало. В 2005 году их было возбуждено 346, из которых до суда довели 61, а обвинительные приговоры были вынесены лишь в 11 случаях. Количество дел, можно предположить, в какой-то мере отражает число крупнейших рейдов: когда среди бела дня у владельцев отбирают большой завод, совсем не почесаться правоохранительным органам бывает все-таки слишком затруднительно. Но рейды, жертвой которых становятся владельцы магазина, дома, автомастерской и пр., суть точно такие же грабежи — и их нельзя не принимать в расчет. А если принимать, то выходит одно уголовное дело на 173 рейда, один суд на тысячу грабежей и попыток грабежа, один приговор на пять с половиной тысяч. В переводе на русский язык — рейдеров у нас не трогают.

Отчего же так? Общепринятое объяснение таково (цитируем первый попавшийся отчет об очередной конференции): «Доказать факт рейдерства — незаконного захвата предприятия — чрезвычайно трудно: уголовные дела запутаны, а квалификации следователей не хватает, чтобы разобраться во всех хитростях. Теоретически рейдеров можно привлечь к суду по отдельным статьям УК РФ, но на практике это происходит крайне редко из-за сложностей с доказательной базой». Насчет квалификации следователей — это, может, отчасти и верно. А вот все остальное... Хорошо, не всякое дело против рейдеров вам удастся довести до суда, а тем более выиграть. Но почему вы их — 172 раза на каждые 173 «факта» — просто не возбуждаете? И почему вам это позволяют?

Идея ваша, с этим надо разбираться.

Новый класс хищников

Внешне рейд отличается от недружественного поглощения (тоже вещь малоприятная) тем, что жертва рейда не имеет шанса получить больше десятой доли рыночной стоимости отобранного у нее имущества. По сути рейд отличается от недружественного поглощения тем, что в нем наличествует состав уголовного преступления. Насчет того, кто же должен выявлять такие составы, см. основной текст.

Схемы, применяемые рейдерами, весьма многообразны. Мы приведем здесь модельный случай, в котором видны начатки основных типов действий сегодняшнего рейдера.

Генеральный директор компании А — совращенный ли настоящий, поддельный ли от рейдера — нагло совершает имущественную сделку с «бабочкой», фирмой-однодневкой, сливая ей все активы компании, движимые и недвижимые. Не обязательно даже за гроши; можно и за миллиарды — платить «бабочка» все равно не будет. Затем активы перепродаются — самим ли себе, на открытом ли рынке, — а «бабочка» ликвидируется.

Владелец А (бывший) пытается вернуть свое через арбитраж. Но для того чтобы изъять имущество по vindicationi

у добросовестного приобретателя, нужно добиться признания недействительной исходной сделки — той самой, с «бабочкой». Но «бабочка» ликвидирована, и суд обязан (в соответствии с прошлогодними толкованиями председателя ВАС Арбитражного процессуального кодекса) прекратить рассмотрение спора за отсутствием одной из его сторон. Владельцу приходится искать уголовного правосудия.

А там следователь, приняв заявление о преступлении, через какое-то (процессуальное) время решает в возбуждении дела отказать. Если жертва настаивает, то надзирающий прокурор через какое-то (процессуальное) время отказ отменяет и заново передает следователю. Тот через какое-то (процессуальное) время под копирку повторяет отказ и снова идет к прокурору. Тот через какое-то... Количество оборотов в процессуальной мушкетерской игре ограничивается только терпением жертвы, но возбуждения уголовного дела, статуса потерпевшего, а тем самым и основания вернуть свое имущество по в vindикации она никак не получает.

В некий момент к горемыке приходят люди и намекают на возможность за конкретные деньги решить проблему формальными методами. Если человек настолько разъярен и неосторожен, что соглашается и дает деньги, то сказочный конец. К нему приходят другие люди и говорят: ну ты, пареня, попал. Ты же человека заказал, ты уголовный преступник. Или что либо прекращай бегать по инстанциям, либо садись. Вот как-то примерно так.

Горстка раскопанных костей

Нетрудно собрать в один-два абзаца все обобщающее знание о рейдерах, находящееся сегодня в публичном обороте. И так в России сложилась целая сфера преступного и полупреступного бизнеса, заключающегося в отъеме компаний, объектов недвижимости и иной собственности у законных владельцев с помощью разного рода злоупотреблений правовыми и процессуальными механизмами, — рейдерство. Этот вид

преступлений идет волнами: если где-то произошел один случай, там вскоре произойдет и второй, и третий, и десятый. В последние годы рейдерство, похоже, понемногу выходит из моды в столицах, где начинало свой мощный разбег, и перемещается в другие регионы, чем и объясняется обилие высклываний на эту тему полпредов президента, губернаторов и т. п. Для борьбы с этой гадостью необходима высочайшая квалификация правоохранителей и всемерная внимательность собственников; спад моды на рейдерские захваты в столицах как раз тем и объясняется, что в Москве и в Питере собственники научились оберегаться от грабежа, да и следовательно поднатаскались — вот злокозненные рейдеры и перемещаются в неискушенную провинцию.

Есть, впрочем, и альтернативная линия рассуждений. Рейдеры наглеют в тех регионах, где исполнительная власть не стала стеной на их пути. Характерный пример такого хода мысли можно найти в статье «Наехали на базу» («Тверская, 13», 27.03.07). В ней рассказывается о московской овощебазе, на которую рейдеры набегали дважды — видимо, занимаемый ею участок очень уж привлекателен. В первый раз, в 2003 году, на базу напал сам «Росбилдинг», находившийся тогда в расцвете рейдерской славы, но атака была отбита «с помощью правительства Москвы и при непосредственном участии мэра столицы Юрия Лужкова». Месяц назад на базу напали снова — на этот раз люди с визитками фирмы «Кэпитал Инвест»; угрожали директору такими словами: «Подумайте о себе, у вас же есть дети»... Но директор Яшина твердо знала, что делать: она «сразу обратилась за помощью к Юрию Лужкову». «Юрий Михайлович тут же дал указание разобраться в этом вопросе» — и через несколько дней ей повиновался усмиренный рейдер и сказал, что они «ничего плохого не хотели» и больше не придут. Мы не сомневаемся, что этот триллер с двумя хеппи-эндами правдив — не станет же врать газета правительства Москвы, — но общепризнанная распространенность рейдерства в Москве заставляет нас

сформулировать вывод из статьи очень осторожно. Пример так: главе региона по силам остановить рейд, если жертв рейда сумеет к нему пробиться.

Хотя и этот вывод, пожалуй, слишком смел. Один из авторов этой статьи, став объектом рейдерской атаки в некоем дальневосточном регионе, сумел пробиться к губернатору и старался было раскладывать перед ним разоблачительные материалы, но быстро понял, что губернатор отлично осведомлен обо всех деталях и без него. Такие вещи не всегда скрываются. Например, воронежское телевидение показывало, как, выступая на митинге рабочих экскаваторного завода, тамошний губернатор и экс-глава УФСБ Владимир Кулаков обличал бывшего главу того завода владельцев: «Говорят: это же рейдерство сейчас осуществляется, администрация захватывает завод. Да. Не сильно захватываем завод (губернатор признается в совершении преступлений, предусмотримых статьей 162 УК РФ «Разбой», — от восьми до пятнадцати лет. — А. В., А. П.). Но не одни (статья 210 УК, преступное сообщество — от десяти до двадцати лет. — А. В., А. П.). А вместе с, на наш взгляд, хорошим инвестором». Значит, вывод нужно делать еще аккуратнее: глава региона может остановить рейд, если жертв рейда удастся к нему пробиться — и если сам губернатор участвует в крышевании именно этого рейда.

Но способен ли губернатор наложением рук лечить рейдерскую проказу — вопрос все-таки второстепенный: если и способен, то, видимо, по разным причинам не поспевает. Главным во всех до единой речах о рейдерстве остается тезис о прямой его связи с коррупцией. Подробностей, как правило, добавляют, но бывают и исключения. Например, депутат Мосгордумы Ковалев, по выражению журналиста «Вечерней Москвы», «комментирует эти вопросы вполне конкретно»: «Достаточно недолгая эпоха рейдерства породила образование внутри силовых структур таких “команд”, которые, используя свои возможности и спецсредства, способны поставить на грань разорения практически любую процветающую

щую компанию. Создавались они как механизм экономического воздействия под заказ «сверху». Используются иногда для установления контроля над предприятием, а иногда и ради получения денег. При этом предметом шантажа могут стать как финансовые и налоговые нарушения, так и личная жизнь владельцев. Уровень специалистов в таких командах настолько высок, что им уже не нужны какие-то комбинации с акциями. Они обросли связями в прокуратуре и судах и при необходимости подключают их. Думаю, именно с этим явлением, которое, видимо, в последнее время вышло из-под контроля, и собираются бороться на высшем уровне».

Команды силовиков, созданные *под заказ сверху*, но вышедшие из-под контроля и грабящие уже по собственной инициативе, — это сильное утверждение. Прав ли смелый депутат? Прямой информации на этот счет у нас, конечно, нет — так попробуем разобраться по методу барона Кювье. Он, как известно, реконструировал целые организмы по немногим частям, найденным при раскопках: «Дайте мне одну кость, и я восстановлю животное». Из раскапываемого нами мега-террия, рейдерства, в нашем распоряжении изрядная горка костей. Порассуждаем.

Почему они не боятся?

Итак, достаточно очевидно, что рейдерством занимаются некие устойчивые группы: десятки тысяч грабежей в год принимают не десятки тысяч наглых новичков с улицы, а несколько десятков профессиональных коллективов — от силы несколько штук на регион. Если какие-то люди раз за разом устойчиво проводят захваты чужой собственности, это значит, как минимум, что им не страшно этим заниматься. Да, во многих распространенных типах рейда атакующие используют прорехи законодательства, придавая каким-то своим действиям видимость законных, но только части действий — и только видимость. По сути же любой рейд есть прямая уголовщина, и кто-кто, а уж его субъекты не могут этого не понимать.

на роль рейдера. Откуда же этот некто? Теоретически говоря, он мог бы служить в любом из перечисленных ведомств, но это очень уж теоретично. На практике неединичные акты бытия все-таки обычно происходят наиболее естественным образом. Сотрудники какой структуры *по должности* имеют своих людей во всех остальных? Вот именно.

Так логика на уровне даже не Холмса, а зауряднейшего Льюиса приводит к неотвратимому выводу: устойчивые рейдерские группы сколачиваются и управляются серьезными людьми из региональных управлений ФСБ. По крайней мере в большинстве случаев. Прав ли депутат Ковалев, создавал ли эти группы «под заказ сверху», — сегодня вопрос существенно академический. Так ли, иначе ли, но кукловоды есть, и группы работают. Собственно же рейдеры — всякие там «Инты» и «Билдинги» — суть не более чем наемники, работающие отчасти за долю награбленного, а отчасти, вероятно, из страха. Естественно ведь предположить, что заняться рейдерством предлагают не первым встречным, а людям, уже сидящим на каком-то «крючке»; но, даже если не так, то, совершив первый рейд, наемник оказывается уже на таком крючнице, с которого не слезет: шаг в сторону, одно лишнее слово — и люба прежде не возбужденное дело моментально возбуждается.

Мы обещали вернуться к Генпрокуратуре — возвращаемся, чтобы изложить гипотезу, которую не можем доказать. Вспомогательная гипотеза, согласно которой крупняк перестал страдать от рейдерских налетов просто потому, что научился выстраивать дорогостоящую и надежную юридическую защиту, не представляется нам убедительной. Зато, покопавшись в подшивках, можно заметить, что налеты на большие компании прекратились примерно тогда же, когда сменился генеральный прокурор. Предположение о том, что эти события между собой связаны, выглядит логично: большая компания имеет гораздо больше шансов достучаться до Генпрокуратуры, чем владелец «Триумфа» или «Рикмахерской», а раз рейдеры этого не боялись, то едва ли благодаря связям региональных кукловодов самих по себе.

Стило быть, заказ на действительно большую мишень невозможен, если в его исполнении не участвует ГП. Впрочем, повторим, доказательств у нас нет — возможно, налицо случайное совпадение.

Что делается

Следует признать, что делается довольно многое. Вот три, на наш взгляд, наиболее заметных направления нынешней антирейдерской работы.

1. **Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.** Во многих регионах все гуще идут семинары, школы, круглые столы и пр., обучающие собственников и менеджеров приемам защиты от рейдера. Слушателям там дают, в общем-то, разумные советы по части методов самообороны. Вот, например, какие десять наставлений получил малый бизнес Санкт-Петербурга:

- провести правовую экспертизу учредительных документов; внести в них изменения, запрещающие отчуждение долей участниками ООО третьим лицам;

- обеспечить хранение учредительных документов фирмы в труднодоступных сейфах;
- сконцентрировать весь акционерный или уставный капитал в руках узкого круга доверенных лиц;
- передать ведение реестра акционеров независимо и проверенному регистратору;
- заблокировать свои акции в реестре акционеров, дав соответствующее заявление регистратору, либо положить их, либо наложить судебный арест, инициировав судебное разбирательство;
- регулярно получать выписки из ЕГРЮЛ на организацию либо выписки из реестра акционеров;
- регулярно получать выписки из ЕГРЮЛ на организацию на предмет проверки данных о том, кто является единоличным исполнительным органом;
- привлечь по возможности управляющую компанию в качестве исполнительного органа, нанять службу безопасности;
- вывести активы на юридическое лицо, не занимающееся активной хозяйственной деятельностью (чтобы внешнюю деятельность вело одно юрлицо, а активы были сосредоточены в другом юрлице);
- периодически получать выписки из ЕГРП¹ о состоянии прав на недвижимое имущество².

Не ко всем этим советам можно присоединиться (скажем, храни учредительные документы хоть в Оружейной палате, любой желающий всегда может получить их копии у налоговиков). Но в целом не возразишь: меры предосторожности принимать по мере сил надо. Что бы там и говорили разные вольтерьянцы, а мыть руки перед едой гораздо полезнее, чем не мыть. Только эпидемию холеры

¹ ЕГРП — Единый государственный реестр прав.

² «Деловой Петербург», 27.03.07.

мытьем рук уже не останавливают. Совсем уж шпану такого рода предусмотрительность отпугнет — но не более того. Позвольте не вдаваться в подробности, но ни один из процитированных советов, ни все они вместе никак не гарантируют защиту от успешной атаки даже со стороны умелого одиночки. Такая самооборона, пожалуй, заставит его подумать, не взяться ли за менее предусмотрительную добычу; но если ему, например, заказано именно ваше имущество, он его съест без особого труда. Сказанное тем более верно в отношении «устойчивой рейдерской группы».

Закрывать дыры в Законе о госрегистрации юридических лиц. Мы давно уже говорим о том, что некоторые положения этого закона породили целую отрасль безнаказанных грабежей, мы даже опубликовали (см. разд. «Эпидемия из "одного окна"») несколько простых, но неотразимых — и широко распространенных! — приемов рейдерства, прямо опирающихся на эти положения. К сожалению, злосчастный документ являет собой предмет авторской гордости министра Грефа, несколько лет подряд на всех углах хвалившегося этим шедевром *дебюрократизации*. Видимо, именно поэтому закон до сих пор никто не решался пальцем тронуть и дыры в нем продолжают приносить хлеб с маслом множеству мерзавцев. Наконец нашлись люди, решившиеся подготовить проект поправок, эти дыры закрывающих: в начале нынешнего года проект внесен в Думу с помощью специалистов Следственного комитета (СК) при МВД.

Предлагаемые поправки обяжут регистрирующий орган проводить проверку представленных для регистрации сведений и, при обнаружении признаков их недостоверности, направлять материалы в органы внутренних дел. Кроме того, проект предусматривает введение обязательного нотариального удостоверения протокола собрания учредителей, установление обязательного удостоверения в регистрирующих органах личности заявителя с исключением присылки по почте заявления о госрегистрации, обязательное

письменное уведомление со стороны регистрирующего на о планируемых регистрационных изменениях. (Нам, что всех этих банальностей в действующем законодательстве нет, а возможность, отправив любую посылку по почте, изменить что угодно в регистрационных документах избранной для рейда компании — так, что она об этом узнает, — очень даже есть.)

Замначальника СК Алексеев считает, что эти поправки позволят «стабилизировать ситуацию на рынке легального слияния и поглощения, устранить возможность критического перехода прав собственности на имущественные комплексы юридических лиц». На наш взгляд, сказанное не совсем верно. Эти поправки нужны позарез, но польза от них будет не настолько велика. Они существенно затронут «работу» рейдерам-одиночкам, не располагающим частую ничем, кроме компьютера, принтера и подлости. Поэтому они заметно снизят *несистемное* рейдерство. Устойчивым группам с многослойными крышами практика Закона о госрегистрации помешает мало — в их распоряжении слишком много приемов и помимо посылки по почте фальшивой бумажки о замене гендиректора.

Тем не менее мы очень надеемся, что эти поправки будут приняты. Поручиться за это, впрочем, пока нельзя: первоначально планировалось, что они пройдут первое чтение в марте этого года, но ни в марте, ни в апреле о них ничего не было слышно.

(Забавно, что за те годы, пока грефовский закон берет как яйцо Фаберже, прикосновенные к делу госструктуры прекрасно поняли, чем и насколько он опасен, и пытаются хоть как-то смягчить его вредоносность. ФНС на своем сайте предлагает — пока в режиме *опытной эксплуатации* — делать по просьбе налогоплательщиков примечание, что по мысли СК МВД вскоре обязательно будет делаться автоматически: введя название компании или ее основной регистрационный номер, человек может проверить, по

шлись ли в налоговые органы документы для внесения изменений в основные сведения о его фирме. Услуга появилась сравнительно недавно, и о ней еще мало кто знает, но только за последнюю неделю марта поступило четыре тысячи таких запросов... Триста уголовных дел за год, ша.)

«Антирейдерский» правительственный законопроект. (Он недавно принят в первом чтении.

Напомним вкратце: проект направлен на то, чтобы залатать хотя бы основные дыры в законах, сквозь которые хлещет вал рейдерства. Для этого вносятся несколько более или менее принципиальных новаций. Главная из них — вводится понятие *корпоративных споров*, каковыми будут считаться «споры о защите прав и интересов коммерческих организаций независимо от организационно-правовой формы ... в связи с организацией деятельности, членством или участием в капитале». Такого рода споры, как и некоторые смежные виды тяжб, будут теперь рассматриваться только в арбитражных судах по месту нахождения соответствующего юрлица. Любые связанные между собой претензии будут объединены в одно производство — и оппонентам будет несравнимо удобнее отстаивать свою точку зрения. Практики понимают, что такая мера не принадлежит к числу необъезжаемых, но в целом возможностей подыскивать удобных судей и изводить оппонента атаками с неожиданных сторон должно стать меньше, а порядка, стало быть, больше. К этой же цели направлены и другие новации обсуждаемого проекта: вводится норма об обязательном оперативном извещении затронутого юрлица о принятии искового заявления и о важнейших стадиях прохождения дела; упорядочивается процедура принятия обеспечительных мер; вводится специальный, упрощенный порядок обжалования определений, принимаемых арбитражем в ходе рассмотрения корпоративного спора, и т. п.

Все это, несомненно, полезно. И совсем полезно будет, если все-таки поправят и Закон о госрегистрации. (Если это не сделать, главную идею «антирейдерского» закона, сводящую все корпоративные споры в один четко определенный суд, серьезный рейдер будет умножать на ноль в любой удобный для себя момент.) Но не будем себя обманывать: и очистка нормативной базы создаст преграды прежде всего *несистемных* рейдеров. Это, спору нет, тоже хорошо устойчивых рейдерских групп, крышуемых, как мы с вами логически установили, всеми региональными правоохранителями, так не остановить.

Что нужно делать

А как остановить рейдеров *системных*, работающих в устойчивых группах под присмотром региональных чекистов? Почему их, как мы видим, останавливать не очень-то и пытаются. Желаящие во всем найти если не хорошие стороны, хотя бы хорошие перспективы могут увидеть их и здесь. В этом деле, пусть силовые структуры, так явно обделенные в приватизации девяностых годов, получают долю собственности, более соответствующую их роли в сохранении государственности. Нехорошо, конечно, что это происходит какими неблагоприятными методами, но, в конце-то концов, какая разница? Важен результат: получив правильную часть имущественной власти, силовики станут надежной социальной частью консенсуса элит, которого, собственно, и не хватает нам для национального подъема.

На наш взгляд, эта благая перспектива все-таки слишком мала. Трудно быть очень уж уверенным, что вторая волна реформ, выбившись в операторы, сумеет повернуть дело в сторону ведения устойчивого порядка, к незыблемости прав собственности и пр., — слишком очевидно на нашей памяти, что такой поворот не удался первой волне. Совсем коротко говоря, не очевидно ни то, что вторая волна намерена остановиться вовремя (на *правильной* доле имущества — и власти), ни

что за обделенными в девяностых не настанут обделенные и нулевых, — и так далее. К тому же поверх несколько отдаленной перспективы консенсуса элит все заметнее гораздо более актуальная тенденция. Хотелось бы ошибиться, но кажется, что все большая часть активных людей склоняется к эскуизму. Применительно к бизнесу такая склонность выражается в нарастающем желании продать к чертовой матери свой бизнес, пока он еще свой, и удариться в эмиграцию — хоть внешнюю, хоть внутреннюю. Не ясно ли, что эти настроения прямо связаны, в частности, с разгулом рейдерства? А если они и впрямь возобладают, светлое будущее какого бы то ни было покроя в очередной раз сильно отодвинется. Поэтому что-то делать с системным рейдерством — надо.

Осталось понять что. Мы, пожалуй, оставим в стороне вопрос о том, что делают, что должны и что могут сделать в борьбе с устойчивыми группами рейдеров службы собственной безопасности ФСБ и прочих силовых структур: мы об этом мало знаем, а те, кто знает, делиться с публикой не склонны. Но представляется очевидным, что должен быть активизирован внеположный силовикам центр борьбы с этим злом. И придумывать его не надо: давно придуман. Называется он независимый суд.

«Своих» судей не должно существовать в природе. Должна существовать разумная степень уверенности в том, что дело о рейдерстве, в каком бы виде оно ни предстало в суде, будет рассмотрено беспристрастно и по закону — и рейдерство, в том числе системное, перестанет существовать как массовое явление. Ведь никакое крышевание рейдеров силовиками не мешает потерпевшим дойти до суда — хоть арбитражного, хоть уголовного. Если бы суды раз за разом неукоснительно называли грабеж грабежом, а рейдеров — преступниками, то и эти самые многосоставные крыши быстро затрещали бы и развалились.

Для того чтобы помочь судам избавиться от зависимых председателей, а честным судьям — от контроля каких бы то

ни было кукловодов, нужно: при занятии должности председателя требовать от кандидата официального заявления о его связях со спецслужбами либо их отсутствии, а осуществляющий контроль над судьями от председателей судов представлять обществу. Судья должен знать, что он не лишится полномочий ни по какой причине, кроме собственных преступлений в отправлении правосудия, фиксируемых не начальством, а обществом. Возможный вариант такого устройства суда мы уже предлагали (см. разд. «Судиллия»), и он, по нашим наблюдениям, нашел немало сторонников, но даже попытку его реализацию пока никто не смог. Однако так ли, и что ли, но суд усиливать надо. Сделайте, на первый случай судей реально независимыми от председателей судов — нанесете мощнейший удар не только по рейдерству, но и по многим другим российским бедам.

Карфаген должен быть разрушен. В России должен быть сильный и независимый суд.

Глава 2

Апологетика

Апология государственности

Январь

Публике кажется, что слова верховной власти противоречат ее делам. Возможно, это из-за того, что и слова, и дела в эти мы понимаем не так, как их понимает она сама.

Не многое так тревожит россиян, так питает растерянность и пессимизм в обществе, так раздражает активное меньшинство, как невозможность объяснить себе бросающиеся в глаза противоречия между словами и действиями верховной власти. Послушав речи президента Путина, а затем ознакомившись с новостями, человек впадает в недоумение. Президентские речи (особенно почему-то — произносимые рубежом) светлы и духоподъемны: он говорит о свободе, о

демократии, о консолидации — и хочется подписаться под каждым его словом. Текущие новости (причем не только связанные с делом ЮКОСа) говорят о силовом давлении, о косорукости и нечестности властей, о полном их пренебрежении к мнению и интересам общества — и хочется то ли прибить кого-нибудь, то ли бежать куда глаза глядят. Человек должен выбирать: либо президент врет, либо не знает, что делают его подчиненные, либо не способен держать подчиненных в руках. Все три варианта настолько дурны, что выбирать из них не хочется.

К счастью, никем не доказано, что хотя бы один из них верен, — и человек благомыслящий вправе считать, что все три ложны. Авторы этих строк так и считают. Потому и предположили, что противоречий-то, может быть, не так уж и много — просто и слова, и дела власти публика понимает не так, как понимает их сама власть. Для доказательства предстояло построить *внутренне непротиворечивую концепцию*, которая без особых невязок накладывалась бы и на то, что власть делает, и на то, что она делает, — и даже на то, чего она не делает, хотя, казалось бы, должна.

Вот эту-то концепцию вы сейчас и увидите. Излагается она в ходе беседы **Вопрошателя** и **Государственника**. Это, может быть, и не вполне сократический диалог, но уж и никак не воображаемое интервью с Путиным. «Вы» в речах Вопрошателя слово обобщающее — он говорит с федеральной властью в целом. А что его виртуальный собеседник временами впадает в *mania grandiosa* и отвечает так, будто сам и есть президент, — так ему можно, на то он и виртуальный.

Мы не знаем, правильно ли мы развернули точку зрения власти, и мы сознательно воздерживались (и удерживали Вопрошателя) от исследования вопроса, насколько описываемая нами концепция сама по себе верна. Нас интересовали ровно две вещи: непротиворечивость концепции и ее согласованность с наблюдаемыми властными проявлениями.

Налоги — и понимание

Вопрошатель: Как подчеркнутое государственничество сочетается с неизменным стремлением увести как можно больше денег из экономики? Непомерно большие золотовалютные резервы лежат в иностранных ценных бумагах, знаменитый стабилизационный фонд гниет на беспроцентных счетах в ЦБ. Как это способствует возрождению величия державы, укреплению ее безопасности и пр.? Сейчас есть деньги и есть на что их тратить. Вы сами говорите, что перед страной стоят огромные инфраструктурные проблемы. Мы их когда будем решать — когда вы сойдете с политической сцены?

Возьмем самый очевидный пример: нефтепроводы. Мы в значительной степени кормимся от нефти. Сейчас можно было бы получать за нее и больше, но перегружены экспортные мощности. ЮКОС, не к ночи будь помянут, вам предлагал: давайте я построю трубопровод: хоть в Дацин, хоть в Бродовку — как скажете. Нет. Касьянов говорил «нет», Фрадков говорит «нет». Сами будем строить. Так стройте — деньги же есть! Тоже нет. В чем тут дело?

Государственник: Я даже подолью воды на вашу мельницу и «ЛУКойл» хотел строить трубопровод — ему тоже не давали. Что ж, давайте разбираться. Как вы знаете, на свете существует ОПЕК (Организация стран-экспортеров нефти), которая — в определенной степени — регулирует рынок квот на добычу. Мы в ОПЕК не входим, квот от нее не получаем. Наши нефтяники в этом смысле от государства не зависят. Для меня, как для государства, доступ в трубу есть единственная возможность влиять на производителей нефти.

В.: Шутите? Это у государства-то нет способов влияния на нефтяников? Только что произнесенное слово «ЮКОС» уже забыли?

Г.: Вовсе я не шучу — и с ЮКОСом мы не справились. Средства не нужны — они приводят к серьезным потерям.

только тонкий и удобный инструмент заслонка трубы, только грубый и плохо управляемый инструмент — Устинов. Частные компании хотят строить трубопроводы с удобными именно им входами. Сегодня у нас вход в трубу альтернативный — и я там полный хозяин. Если появляется труба без альтернативным входом, то, будь она и передана в государственное управление, она оказывается прекрасным способом шантажировать государство: не дам, мол, нефти — и пустая труба. Известный персонаж сидит в Лефортове (оставим в стороне политику) во многом потому, что хотел стать самостоятельным как раз в этом смысле, чем причинял нам большие неудобства. Так что трубопроводную инфраструктуру нельзя развивать, пока не выработана политика по отношению к крупной собственности.

В.1 Стало быть, препоной для развития страны оказывается не нехватка нефтепроводов — вы не умеете пользоваться имеющимися у вас рычагами управления.

Г.1 Вы напрасно думаете, что получение еще больших денег нефтяными компаниями означает развитие страны.

В.1 Это как же? Казна забирает у них чуть ли не девяносто процентов прибыли.

Г.1 Ну какие там девяносто? Оптимизация налогов, которую проводят частные компании, не позволяет казне получить от них то, что наше законодательство якобы гарантирует; львиная доля сверхприбыли уходит в офшоры. Претензии налоговых органов и к ЮКОСу, и к «Сибнефти» (и к «Вымпелкому», кстати говоря) как раз и показывают, что казна не получила с них того, что должна была получить.

В.1 Это и есть самая суть вопроса. Почему мы не давали строить трубопроводы? Потому что у нас не была разработана налоговая политика по крупным собственникам.

Г.1 Так вы и теперь не даете.

??
11

Г.: Так она пока и не разработана — мы все еще этим занимаемся.

В.: А тем временем строить трубопроводы нельзя?

Г.: Нельзя. Процессы должны идти хотя и параллельно, разными темпами. Трубопроводы нужны — но необходимо сформировать такие условия, в которых новые трубопроводы будут уже не мешать, а помогать проводить политику сударства. Вот мы сейчас постегаем наиболее выдающихся налоговых оптимизаторов, исключим из словаря экономтов сами эти слова *налоговая оптимизация* — и тогда действительно развитие нефтяных компаний будет работать на развитие страны, поскольку казна не в теории, а на самом деле станет получать подавляющую часть их прибылей. И трубопроводы, которые мы будем строить, будут и способствовать наполнению бюджета, и увеличивать ВВП.

В.: Как бы у вас нефтяные компании в ходе воспитания передохли. За одиннадцать месяцев 2004 года инвестиции в нефтянке сократились на двадцать процентов. А нефтянка странно устроена: там объему капиталовложений пропорционален не прирост, а выпуск...

Г.: Я согласен, что потери есть. Потери были и в начале девятых, когда выпуск обвально снижался, — и политика предыдущего президента и его команды создала условия, позволившие добиться роста добычи нефти, а потом и увеличить темп роста. Но нефтянка, как и многие другие отрасли, росла *не с стороны*. За счет чего они росли? Часть денег из сверхприбылей, утаенных от государства, они направляли на развитие производства. И сегодня, когда мы им сказали, что утаенные от государства деньги придется возвращать, они стараются как можно больше средств придержать у себя, не вкладывать — что не забрали. Нормальная первая реакция: они просто еще не поняли, что это не случайный наезд на ЮКОС, а четкая налоговая политика, понимание которой мы хотим внедрить во

крупных производителей. Внедрение происходит силовым способом. Все должны понять, что обязаны платить все те налоги, которые мы хотим с них собирать; что лазейки, которые мы по той или иной причине оставили в законодательстве, являются именно лазейками и что пользоваться ими *нельзя*. Конечно, мы будем их планомерно закрывать, но мы не хотим состязаться в квалификации с высокооплачиваемыми юристами корпораций. Мы хотим, чтобы наша налоговая политика была *пониманиями*. Мы будем идти не от процедур (хотя процедуры тоже очень важны), а от *понимания*. И мы добьемся этого понимания — и уплаты налогов на его основе.

И.: Речь идет не о привокзальных ларьках, а об очень крупных компаниях. Их налоговые платежи — конкретные цифры — неизменно согласовывались и согласовываются на самых высоких уровнях.

Г.: Президентом согласовываются?

И.: Не президентом, но лично им назначенными людьми.

Г.: Значит, не на самом высоком уровне... Это мелкий вопрос. Невозможно уберечь людей, работающих с крупными налогоплательщиками, от развращающего влияния этих налогоплательщиков. И я предлагаю вам, как рыночнику, не рассчитывать всерьез на возможность нечестной игры с государством за счет коррумпирования отдельных чиновников. Это никогда не будет индульгенцией.

В.: Понятно. А если позже вы сочтете, что уровень налогов, сегодня кажущийся вам государственно обоснованным, все-таки низковат — где гарантия, что вы не приметесь опять добирать деньги задним числом?

Г.: Никаких гарантий я вам не дам. Государство всегда имеет и всегда будет иметь возможность по мере надобности поменять задним числом даже не правила игры, а оценку действий тех или иных субъектов в смысле выполнения правил

игры. Это есть в любой юрисдикции. Вспомните, как п «Энрона» люди выходили клясться на Библии, что они чные, — это Буш ввел новые способы оценки действий кнейших компаний. Я не буду говорить, что мы сейчас разберемся как следует, а потом станем белыми и пушими. Нет, мы будем вести себя как все нормальные государственники.

В.: Вы начали новую эпоху с речей о диктатуре закона — же вы можете сравнивать? Буш заставил бизнесменов сться в соблюдении писаных законов — вы же предлаг «понимать» умонастроения власти и учитывать вечную возможность пересмотра этих умонастроений.

Г.: Власти США требуют не клятвы в соблюдении заке а демонстрации лояльности букве *и духу* закона. И я гов о том же: помимо буквы закона есть и его дух; в частно дух отношений государства с крупными налогоплатель ками, в принципе способными влиять на государственн политику. Так вот, мы хотим, чтобы на налоговую поли они никакого влияния не оказывали.

В.: Если все это — о «понимании» налогов и пр. — бизнес мет всерьез, то он в России работать не будет. Не потому обидится — бизнес не обидчив; он вообще довольно пр существо. Не будет из-за полной невозможности плани ния. Вот он строит свои планы исходя из таких-то нал а завтра вы ему говорите, что все не так — и куда идут ве планы? А крупный бизнес стратегию строит на пятнадцать

Г.: Если он строит планы, опираясь только на букву...

В.: Да нет же, на дух! Он уже принял, что трансфер цены — нельзя, что внутренние офшоры — нельзя, он вс нял. А завтра вы ему скажете, что еще чего-то нельзя, пр нельзя было и вчера!

Г.: Не скажем.

И.: Вы же только что заявляли, что это всегда возможно!

Г.: Не потому заявлял, что мы это будем делать; такие возможности имело и имеет любое государство. А бизнес может работать — и будет работать. Наше государство находится в процессе становления. Добиться от субъектов, работающих на рынке, понимания духа законов — это очень важный момент становления государства. Если мы будем пытаться подменить дух хорошо прописанной буквой, у нас просто не хватит контролеров отслеживать экспоненциально множасьщие процедуры.

И.: Монопольное право определять, в чем заключается дух закона, принадлежит вам — и вы не берете на себя никакой ответственности за возможные перемены трактовки.

Г.: Нет, берем. Если менять правила игры (они же — дух закона) слишком часто или менять их задним числом, это будет не укрепление, а ослабление государственности.

И.: Вы излагаете концепцию, в правильности которой убеждены, но не хотите видеть, что воплощение этой концепции в жизнь пока ведет к существенному вреду.

Г.: Что ж, и лечение приносит больным вред — например, боль. Но его все-таки проводят, чтобы избежать большего, при том постоянного вреда — болезни.

Регионы — и кнут

И.: Еще о деньгах. Все последние годы распределение консолидированного бюджета между центром и субъектами ведется в пользу центра. С 1 января происходит, как известно, межбюджетная революция: перетасовываются права и обязанности бюджетов разных уровней, сфера ответственности регионов резко увеличивается — при дальнейшем сокращении их доли пирога. Вы рассказали, почему деньги, накапливающиеся в федеральных сусеках, сейчас не нужно

тратить, — потому что их нельзя потратить с пользой. Достигнем. Но, может быть, тогда стоило бы больше денег оставлять регионам, которые нашли бы, куда их применить? Многие регионы бедствуют: там очень бедное население, там слабо работает экономика, там просто-напросто не решены проблемы жизнеобеспечения. Так почему *и из них* производится откачка денег?

Г.: Политика перераспределения описана верно, а объясняя она так. Все время, когда региональные и местные бюджеты имели право распоряжаться заметной частью своих денег, они эти деньги воровали; ну, использовали не по назначению. От этого страдали и социальная политика, и экономика регионов. Именно на эти деньги происходило поглощение средних и мелких рыночных субъектов — и к концу девяностых в регионах сложились монопольные пирамиды, сходящие под губернаторов. Эти пирамиды давали возможность губернаторам проводить во всех отношениях феодальную политику. В частности, феодализм в отношении среднего и малого бизнеса выразился в его (по аналогии с приватизацией и национализацией) *бюрократизации*. Права собственности, существу, получили чиновники: все финансовые и материальные потоки сколько-нибудь интересных предприятий контролировались в первую очередь ими, чиновниками. Это привело к существенной деформации государственного устройства. Возникла федерация феодалов в условиях рынка — искусственная конструкция с безмерными внутренними издержками и абсолютно не конкурентоспособная. Счастье еще, что мы до сих пор не приняли во Всемирную торговую организацию (ВТО), что мы не раскрылись полностью...

В. (*вполголоса*): Это не ваша заслуга — вы же так стараетесь вступить в ВТО...

Г. (*тоже вполголоса*): Я и говорю: это наше счастье.

Мы решили искоренить эту феодальную федерацию. То, что губернаторы будут не выбираться, а назначаться — со в

ми вытекающими из этого последствиями, — ключевой момент. Перераспределение денег в центр из регионов — мера временная, и нужна она ровно до тех пор, пока вопрос о губернаторах не будет решен полностью и окончательно. Управлять отсюда, из Москвы, выплатами зарплат из местных бюджетов — очевидно невозможно, и 2005 год будет ключевым в смысле перехвата политического управления региональными финансовыми потоками. Мы так или иначе поставим людей, которые, с нашей точки зрения, нужны и этот переходный период, и, когда будет отлажено делегирование полномочий в регионы, вместе с полномочиями придут и деньги.

И.: Пестыковка получается. Назначением губернаторов вы озаботились только в сентябре, а передел бюджета в пользу центра идет все пять лет. Между тем законы уже, если не ошибаюсь, к 2002 году давали президенту право снять любого губернатора. То есть три года вы никак не использовали полномочий, совершенно достаточных для решения задачи, о которой сейчас говорите как о задаче наступающего года. Сейчас вы оснастились новыми полномочиями, но бюджетную революцию пускаете в ход до начала их применения. Как-то концы с концами не сходятся.

Г.: Нормально сходятся. Да, начиная с изменения принципов формирования Совета Федерации, в результате которого губернаторы лишились неприкосновенности, выстраивался механизм для решения феодальной проблемы. Но он и не должен был применяться! Мы хотели, чтобы кнут, повешенный государством на стену, сам по себе изменил поведение губернаторов. И ведь кнут не просто висел — он щелкал: как вы помните, были заведены уголовные дела на губернаторов. Но, по правде говоря, посадка политиков, избранных народом, не помогала бы укреплению федерализма. Мы пришли к пониманию, что этот механизм не должен применяться *до конца*. И это же, к сожалению, поняли все.

В.: А почему вы щелкали кнутом далеко не в самых одних случаях? Вы сочли нужным шугануть Лисицына, одного из немногих грамотно работающих губернаторов, у которого область очень даже шевелится, но пальцем не тронуть, например, Кирсана.

Г.: Ну, кнутом щелкали не только в Ярославле — щелкали и в Курске, и в Туле, где ничего не шевелится, однако я готов согласиться с вами: механизм кнута не оптимален и в этом смысле — в смысле очередности применения. Но это второстепенный вопрос. С точки зрения политика, большой разницы между Лисицыным и Илюмжиновым — нет. Да, один из них пытается соблюсти приличия, которые и мне кажутся приличиями, а другой соблюдает приличия, которые я приличиями не считаю, — но это все неважно. Политику которую проводят даже не они, а их команды вице-губернаторов, одинакова во всех регионах. А кнут, висящий над ними, для борьбы с этой политикой очевидно недостаточен. В качестве основного этот инструмент, повторяю, работать не может.

Что же до того, почему о назначаемости губернаторов речь зашла только в сентябре, так это вопрос из области тактики реализации государственных решений. В первые три года перераспределение полномочий между центром и регионами происходило в результате торгов. Дума тогда была такая, как сегодня, поэтому провести, как вы говорите, масштабную бюджетную революцию, какую мы проводим сейчас, было просто нереально. И то, что эта революция проходит одновременно с изменением процедуры назначения глав регионов, по-моему, совершенно логично.

Кадры — и российский рынок

В.: Когда шло обсуждение инициативы по губернаторам, какие аргументы всякий добавлял по мере политического течения парламента, но одно сказали *все*: а где вы будете брать губ

интересов? Вам их негде взять. Сурков, комментируя чье-то предложение назначать не только губернаторов, но и мэров, сказал, что этого делать нельзя, так как в губерниях будут «подсовывать объективки» — в смысле, за деньги. А в Кремле не так будет?

Г.: В Кремле планируется сделать не так. Какие нам нужны кадры? Экономически грамотные, во-первых, а во-вторых — зараженные идеей государственности. Если мы будем искать людей, удовлетворяющих этим критериям, в рыночных субъектах, мы их там не найдем. Понимание экономики у них будет, но идея государственности им совершенно чужда.

И.: Это аксиома? Вот рос хороший мальчик, был пионером или там скаутом, любил свое отечество. А потом имел необходимость поработать в частной компании — и что, отечество уже не любит?

Г.: Я не говорю о любви к отечеству. Я настаиваю и буду настаивать на том, что кадры должны быть заражены идеей государственности. Вы спросили, аксиома ли это? Да, аксиома: человек, который работал в рынке, а priori не может быть заражен этой идеей. Потому что если бы он был заражен этой идеей, как я ее понимаю, он не пошел бы работать в российском рынке — это было бы противно его натуре.

И.: То есть идея государственности — как вы ее понимаете — вообще несовместима с рынком?

Г.: С предыдущим рынком — безусловно несовместима. Рынок, который был; правила вхождения в рынок, которые были, — все они неизбежно приводили бы человека, носящего идею государственности, к внутренним противоречиям. Этот человек, например, должен был бы участвовать в той приватизации, в тех залоговых аукционах, в тех инвестиционных конкурсах...

В.: Множество субъектов нынешнего рынка не имели катальства к приватизации.

Г.: Я упомянул приватизацию лишь как первый из примеров. После — и лишь отчасти в результате — приватизации в России возник бюрократический капитализм. Не *государственный* капитализм, а *бюрократический*. В самом классическом смысле слова *мафиозный* капитализм, результат сращивания власти с субъектами рынка. Так вот, идея российской государственности, о которой мы говорим, со всем этим несовместима.

В.: Подождите. Молодой парень, инженер. В начале девяностых, чтобы кормить семью, стал челночить. Раскрутил, владеет несколькими магазинами. Он этот самый бюрократический капитализм ненавидит больше, чем вы. За что вы его отмечаете? Это же ваш человек!

Г.: А его я и не отмечаю. Когда я говорю, что не годятся кандидаты с рынка, я говорю о правиле, но в любом правиле бывают исключения. Если человек создал сеть магазинов, но не встроился в структуры чиновничьего бизнеса и ненавидит бюрократический капитализм, то — да. Это наш человек, и рано или поздно он к нам придет.

В.: Почему «рано или поздно», а не сейчас?

Г.: Потому что сейчас они могут прийти только «по объективным причинам», а мне в отношении каждой кандидатуры нужно время.

В.: Тогда, похоже, это «рано или поздно» не настанет никогда. Но продолжим: а сейчас где вы намерены искать людей, удовлетворяющих вашим критериям?

Г.: У нас с вами откровенный разговор, поэтому скажу прямо. ФСБ выполняет три функции. Первая, главная, — функция безопасности, вторая — функция экономическая, третья — функция политическая. Вот в этих трех сферах она работает.

И.: Это вы так сделали?

Г.: Нет. С советских времен структура региональных управлений КГБ строилась по отраслевому принципу: были кураторы по нефти, по химии, по любым важным для данного региона отраслям. И до настоящего времени структура экономических блоков региональных управлений сохранена в неизменности. Политических блоков в регионах, конечно, нет и быть не должно; для этого достаточно Лубянки.

Но вернемся к кадрам для губернаторских постов. Люди, работающие в органах безопасности, суть прежде всего люди по определению неглупые. Дураков там нет. Далее, они экономически грамотны: они всю жизнь работали с экономикой; пусть сбоку, не внутри — они занимались аналитикой, и неплохо занимались. Понимание идеи государственности гарантируется. Так что именно здесь нужно искать кадры.

И.: Простите, я не совсем понимаю. Вы отметили людей «с рынка» и тут же перешли к Лубянке. Разве больше никого нет?

Г.: А кто же еще — чиновники? Ядро бюрократического капитализма?

И.: Многие убеждены, что большинство действующих губернаторов станут назначенцами.

Г.: В первое время — вероятно, но едва ли надолго. Может быть, в изменившихся условиях старые кадры начнут работать по-новому, но уже был неудачный опыт — мы его обдумывали: когда на стене появился кнут, они по-новому работать не начали. Больше рисковать не стоит. Мы зайдем с двух концов: и изменение структуры властных отношений — и изменение кадрового состава. Как показывает опыт на федеральном уровне, использование именно этих кадров безусловно усиливает позиции государства. Да, они менее профессиональны, но, будучи заражены идеей государственности, они не совершают схем массового воровства.

Свобода творчества — и крупная собственность

В.: Как я понимаю, вы согласны с тем, что Россия может стать сильной только за счет свободной творческой работы свободных граждан. Объясните, пожалуйста, как плановый зажим самостоятельности регионов плюс назначен губернаторами людей в погонах трансформируется в *свободное творчество масс*? Пока ваша политика включает неизменное битье по голове всего, что высовывается. Иные скажут, что от «Яблока» или СПС было больше вреда, чем пользы, простите, от госбезопасности, которая, по-вашему, осталась единственной надеждой государства, в XX веке было *существенно* больше вреда, чем пользы — ее же вы по голове бьете. Каким образом, старательно насаждая монополию во всех сферах жизни, предельно все централизуя, вы надеетесь высвободить творчество?

Г.: Я попробую ответить на этот вопрос в терминах нашей политики по отношению к трем типам собственности: крупной, средней и мелкой. Нет, я не сужаю ваш вопрос, вы сейчас в это убедитесь. Я утверждаю, что творчество предпринимателя оказывается локомотивом развития экономики лишь на двух нижних ступенях — на уровне средней и мелкой собственности. На уровне крупных корпораций творчество — в том смысле, о котором мы говорим, — и для самих этих корпораций, и для государств, в которых они существуют, имеет гораздо меньшее значение, чем согласованная между корпорациями и государством политика. Подчеркиваю — согласованная.

Как связано то, что я говорил о централизации (я приму ваш термин), с восстановлением основного локомотива развития страны? Прямо. Сегодня средний и мелкий бизнес зажат в жесткие рамки. Транзакционные издержки, связанные с бюрократическим капитализмом, слишком велики, чтобы этот бизнес мог быть конкурентоспособным в сравнении со своими аналогами почти в любой юрисдикции. Поэтому мы видим

свою задачу в том, чтобы снизить эти издержки. Да, инструментом для этого мы считаем централизацию. *Временную* централизацию — в том числе и централизацию политическую. Мы хотим использовать перехват политической власти в регионах для того, чтобы исчезли центры затрат для среднего и малого бизнеса. Мы собираемся создать такую политическую систему, в которой команды губернаторов не будут стоком финансового результата среднего и малого бизнеса. Только таким образом, а не заклинаниями и может быть высвобождено ваше «творчество масс».

В.: Теория стройная, но не очевидно ее соответствие практике. Вы не можете не знать о массовом приходе ребят в погонах к тому самому среднему бизнесу, который вы обещаете раскрепостить. Ведь ребята в погонах могут не понимать, *для чего* вы на них ставите, но что вы на них *ставите*, что настало *их время*, они понимают прекрасно. Они приходят в бизнесы и тогда замещают беспогонных чиновников, то ли присасываются рядом. Влияет ли такая реальность на вашу теорию?

Г.: Такого нет. Вы не приведете примера, чтобы действующие сотрудники региональных контор, я уж не говорю про центральную, присасывались к бизнесу.

В.: Вы считаете, что все подобные рассказы, которыми бизнесмены обмениваются вместо «здрасьте» уже четыре года, — банальное лганье?

Г.: Я утверждаю, что кадровые сотрудники ФСБ не обслуживают чиновничье-предпринимательских схем.

В.: Мы с вами в неравном положении. Если я называю конкретное юрлицо, куда пришли в погонах, я тут же получаю иск — и в суде проигрываю, потому что никто не повторит в судебном процессе того, что говорил мне в частной беседе.

Г.: Ну, в неравном. Что же я могу сделать? Не я начал задавать эти вопросы.

В.: Значит, картина просто идиллическая. Крупных собственников, в просторечии именуемых олигархами, мы подведем под точку замерзания — причем быстро; а потом...

Г.: Нет, не так. Мы не будем подводить крупный бизнес к точке замерзания. Мы добьемся от него осознания государственных интересов, а это очень разные вещи. «Роснефть» или «Газпромнефть» — не замерзшие компании. И я никогда не соглашусь с тем, что приведение всех олигархов к разцу «Роснефти» означает для страны потерю денег. И еще раз нет. Себестоимость конкретных бизнесов, возможно, станет чуть выше, чуть возрастут внутренние издержки, но в целом для страны финансовый результат этих компаний, бывших олигархических структур, будет лучше: они не будут уводить капитал в офшоры, они не будут тратить в налоговую оптимизацию, они не будут без согласования покупать в Англии футбольные клубы. Денег в стране не будет больше.

В.: Вы собираетесь в государственные или практически государственные структуры перетащить все сырьевые отрасли. Но они уже были государственными — не практически, а совсем — и что-то особенного счастья не было. Динамика, какую показывал тот же ЮКОС, или «Сургут», или «Лукойл», Миннефтегаз что-то не показывал. Стоило ли ломать советскую систему, чтобы к ней же и вернуться?

Г.: Еще раз: никакого предпринимательства в крупных корпорациях (и в частных тоже) давно уже нет — в этом смысле их можно и сегодня считать вполне советскими; стрижка по гребенку «Роснефти» тут ничего не убавит и не прибавит. Что же до большей, по сравнению с Миннефтегазом, эффективности нынешних НК, то она объясняется тем, что вокруг них возникла рыночная среда. Они получают рыночный доход там, где советская нефтяная промышленность *поставляла продукцию* по директивно занижаемым ценам, — только и всего.

Так что — никаких «точек замерзания». Мы добиваемся, чтобы крупные корпорации (не являющиеся, как мы говорили, источниками творческой энергии) согласовывали с государством свою политику. Для этого вовсе не обязательно все их, условно говоря, продать «Газпрому». Мы даже не хотим этого — мы понимаем, какие получатся издержки, если «Газпром» охватит всю нефтянку. Но мы были вынуждены сделать это с ЮКОСом — и впредь будем делать с теми субъектами, которые не согласны с нашей политикой.

В.: Да они уже все согласны. Все они уже все поняли и приняли.

Г.: И очень хорошо! Живем дальше.

Передел собственности — и партстроительство

В.: Итак, крупный бизнес, кем бы ни были его титульные собственники, — это приказчики государства, а никакие не предприниматели. Пусть работают на страну и не выпендриваются. А как идея государственности относится к среднему и мелкому бизнесу?

Г.: Цель — освобождение его от давления чиновников при принятии решений. Разрушение цепочек чиновничьего бизнеса приведет к созданию свободного рынка и, соответственно, к снижению издержек малых и средних предприятий. Создание настоящего рынка — это и есть задача, которую взялось решать государство.

В.: Значит, со средним или тем более малым предприятием не может произойти того же, что с ЮКОСом?

Г.: Ни в каком случае. Прежде всего потому, что такие предприятия и не должны согласовывать свои бизнес-решения с идеей государственности — ведь никакое их поведение не способно повлиять на эту идею.

В.: То есть, если я вас правильно понял, передел собственности возможен и даже необходим среди крупняка (в м непонятливости титульного собственника), но абсолютно ключается на следующих уровнях.

Г.: Правильно.

В.: Почему же тогда вся страна только и говорит, что о тальном переделе?

Г.: Передел, безусловно, будет — и страна будет о нем го рить. Поскольку средний и мелкий бизнес прямо или косв но принадлежит губернаторским командам — феодалам какого-то передела, по-видимому, не избежать. Нет, ни у них не будет ничего отнимать, но они лишатся монополь го положения в своих регионах; так что речь пойдет ско о переделе локальных *рынков*. А *силовой* передел собствен сти, который случается и какое-то время еще будет случат в регионах, никак не связан с государственной политик о которой мы беседуем. Более того, поскольку он связан с одалными отношениями, как раз в результате проведения шей политики он и прекратится.

В.: Чем вы гарантируете, что не произойдет того же, что п исходило прежде при смене губернатора: новый рьяно л мал пирамиду прежнего — и мастерил свою.

Г.: Тем, что назначенные губернаторы не будут прикрыты с тусом избранника народа. Назначаю их я, и, значит, я беру себя прямую ответственность за то, чтобы они не принима прямого участия в экономической жизни своих регионов.

В.: Как вы эту ответственность будете реализовывать?

Г.: Механизм даст вторая послебеслановская инициати Партстроительство. Мы рассчитываем на формирование скольких — ну, двух — реальных федеральных партий, ко рые будут участвовать в работе каждого законодательно собрания (ЗАКСа). Возможная попытка назначенного п

Губернатора феодализировать экономику региона побудит одна из партий или даже обе сразу поднять тревогу.

В.: Губернаторы будут назначаться уже сейчас, а когда образуются дееспособные партии, никто не знает. А до того как?

Г.: А до того — прямой контроль. По-видимому, неизбежно появление института комиссаров, но я пока не готов об этом говорить. Кроме того, назначенные губернаторы не смогут установиться феодалами еще и потому, что мы организуем их ротацию. Если прокурор Камчатской области может быть перемещен в Челябинск, то и служивым людям другого рода тоже можно менять одно губернаторское кресло на другое.

В.: Ваши инициативы прозвучали к концу пятого года вашего правления. Когда вы ожидаете увидеть их положительные результаты?

Г.: Первые результаты ожидаются во второй половине наступающего года.

В.: Как они будут выглядеть?

Г.: В экономике — увеличение темпов роста за счет взрывного развития малого и среднего бизнеса, с которого будут сняты административные ограничения. Я очень надеюсь, что к концу года появятся заметные достижения и в части становления партий.

В.: Так быстро? Пока никто еще не видел никаких серьезных и самопроизвольных (вне инициатив Кремля) телодвижений.

Г.: Многие люди заинтересованы в том, чтобы этот процесс пошел быстро. Единственная сегодня федеральная партия, обладающая политической силой, — «Единая Россия», — будет стремиться к доминированию в ЗАКСах. Политикам, связанным с сегодняшними феодальными пирамидами, для отстаивания своих позиций придется искать альтернативу «ЕР» — каждому в своем регионе. Законодательство требует

для этого ассоциироваться с какой-то другой федеральной партией; если эти региональные «оппозиционеры» не объединятся в российском масштабе, они пропадут — опатики, каждый в своем регионе. Значит, будут как-то объединяться.

В.: Но у них нет никакой объединяющей идеи. Впрочем, я думаю, можно обойтись и без идей. Представим себе, некие люди, имеющие солидный партийный бренд — к примеру, Республиканская партия, — на страницах какого-нибудь солидного издания обращаются к региональным группам с манифестом: им предлагают стать региональными отделениями Республиканской партии, гарантируя полнейшую зависимость региональных отделений от чисто декоративного центра. Реакции на такое обращение долго ждать придется, и *оболочечная* партия может возникнуть почти мгновенно. Не факт, что она потом просуществует века, для сегодняшней потребности — организовать альтернативу — вполне сгодится.

Г.: Да хоть так — главное, чтобы ЗАКСы оказались готовы к своей роли.

Лубянские кадры — и гражданское общество

В.: Существует взгляд, прямо противоположный вашему: не единственной надеждой России являются кадровые резервы ФСБ, а тяжелейшей гирей стало засилье Лубянки. Поэтому надо не брать из лубянского резерва кадры для замещения как можно большего количества должностей, а ровно наоборот — свести роль ФСБ и ее работников к стандартам принятым для спецслужб в современных обществах. Что вы об этом думаете?

Г.: А мы это уже проходили. Люстрации у нас, правда, не было, но результаты непроведенной люстрации фактически

были. Начиная с 1991 года почти десять лет и политика, и экономика развивались без участия кадровых работников спецслужб. Некоторые участвовали индивидуально, но системного участия не было. Что мы получили в результате? Страну, разбитую на феодальные обломки, — и мафиозную экономику. Вернулись мы в политику четыре года назад. Результат перехода именно наших кадров на активные роли и в экономике, и в политике *очевидно* положителен.

Государство как субъект начало отстаивать свои права, с ним больше нельзя не считаться. А активы государства — и золотовалютные резервы, и тот же стабилизационный фонд — это вещь, которой в 1999 году просто не было. В том, что эти деньги пришли, нашей заслуги, конечно, нет, но в том, что они сохранены — заслуга в первую очередь тех самых кадров, о которых вы сейчас спрашиваете. Устранение этих людей из политики и экономики неизбежно повело бы к повторению ситуации девяностых годов. Альтернативы участию наших сограждан нет, поскольку нет гражданского общества. За девяностые годы оно не возникло: само существование той феодальной системы — при всей ее внешней либеральности — не давало гражданскому обществу встать на ноги. Поэтому и утверждаю, как бы дико это ни прозвучало для наших профессиональных критиков, что без работы наших кадровых офицеров гражданское общество и не сможет возникнуть. Целью государственников является никак не разрушение гражданского общества, но именно создание его. Возьмите то же стимулируемое нами партийное строительство — разве это не важнейший элемент гражданского общества?

В.: Другим его важнейшим элементом являются, как известно, независимые СМИ, а независимость федеральных телеканалов вы уничтожили. Необходимым условием существования гражданского общества является независимость суда, а ее вы практически искоренили. Так что, на иной вкус, в вашей политике по отношению к нему гораздо больше минусов, чем плюсов.

Г.: В отношении суда, я полагаю, ваше утверждение не совсем аккуратно: что такой суд, какой сейчас есть, сформирован именно нашими действиями, нужно еще доказывать. Что касается СМИ, то не такие уж они и зависимые. Мы действительно постарались сделать так, чтобы люди, определяющие редакционную политику федеральных каналов, были заражены той же идеей государственности, о которой я говорю и которая, я убежден, является благом для России. Изменение информационной политики этих каналов произошло не чрезмерное. Да, их редакционная политика отличается от принятой в странах устойчивых демократий — именно нам и пытаются ставить в вину. Но развитие общественных институтов должно идти равными темпами, чтобы эти институты могли поддерживать друг друга. Свобода слова — такой же институт, как федерализм; и если свобода слова по каким-то причинам критично вредит становлению федерализма, то согласование темпов развития этих институтов до их полного становления — совершенно, с моей точки зрения, обязательно. Вот оно и происходит. Но свобода слова в России не подавлена — это очевидный факт.

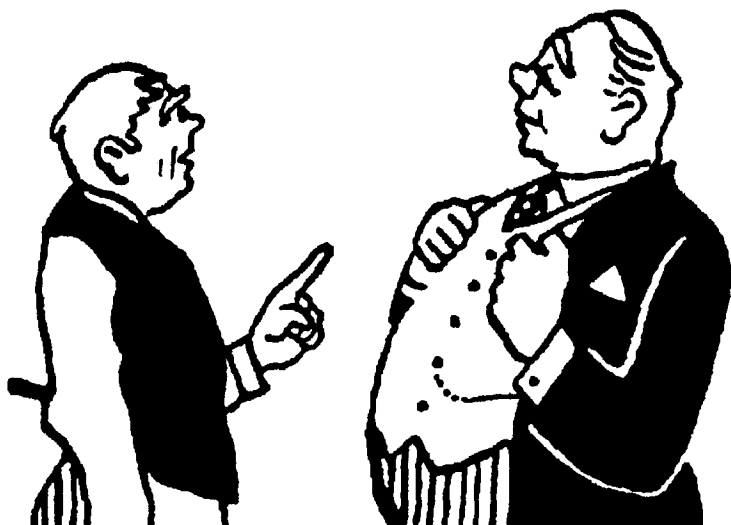
В.: Что ж, спасибо.

Г.: Это вам спасибо.

Апология собственности

Апрель 2005

Верховная власть отказывается признавать важность проблемы собственности: поддерживая неопределенность в этом основополагающем вопросе, власть сохраняет неотразимый инструмент давления и политических манипуляций.

Мы будто разыгрываем старинную сказку, изнутри ничуть не забавную. Власть непрестанно говорит стране: «Все будет хорошо, только не думайте о красной обезьяне, собственности. Никакого передела не будет. Никакого пересмотра итогов приватизации не будет. Право собственности гарантировано Конституцией». При этом все, начиная с самой же власти, только и думают, что о собственности и ее переделе — и не очень-то все у нас хорошо.

С собственностью у нас ничего не в порядке, и от бесчисленных заверений в ее неприкосновенности положение не улучшается. Была большая приватизация, пошумела и кончилась. Что она прошла идеально, не скажешь, но ведь идеального

передела при радикальном изменении формации и вообще нельзя. Был шанс, что, разумно формируя нормативную среду и обычаи делового оборота, мы понемногу устроим пристойное здание и на имеющемся, отнюдь не идеальном фундаменте; году в 2002-м многим даже казалось, что этот шанс мы реализуем. Не вышло, упустили. Недовольство фундаментом стало почти всеобщим, что наделенные соответствующими возможностями люди используют для жесткого передела. Что-то срочно надо делать — если не с недовольством, так с фундаментом.

Но власть ничего ни с тем, ни с другим делать не собирает. Президент дарует снижение срока давности по приватизационным сделкам — тут же прокурор в деле Ходорковского требует конфискации арестованного (контрольного) пакета акций ЮКОСа — через несколько дней по иску ранее отбрасываемой «дочки» ЮКОСа арестовывают практически все, что от него осталось. То есть: не сомневайтесь, итоги приватизации мы пересматривать не собираемся. Но в том, что у нас наготове вполне действенные способы отобрать собственность, тоже не сомневайтесь.

Такие каламбуры выглядели бы не очень пристойно в любом вопросе, но в проблемах собственности они просто недопустимы. Вот все изумляются: что же это у нас никак не идет консолидация элит? Что ей мешает, если по двум принципиальнейшим ценностям — свобода и суверенитет — и лицо чуть ли не полный консенсус? Так неопределенность в проблеме собственности и мешает. Потому что собственность и есть звено, способное органично соединять эти неспоримые ценности. Потому что собственность — не единственное, но без сравнения важнейшее средство обеспечения внешней свободы человека — и одновременно не единственное, но без сравнения надежнейшее средство втягивания интересов индивидуума в объемлющие их интересы страны. Прекратите игру без правил в сфере собственности, тогда и ждите консолидации.

Все это побудило нас к еще одному разговору с воображаемым представителем верховной власти. Как и при первом таком разговоре (см. разд. «Апология государственности»), мы не можем утверждать, что наш **Государственник** совсем уж точно излагает позицию Кремля, — мы лишь стараемся его устами дать связное и внутренне непротиворечивое объяснение всей совокупности наблюдаемых поступков власти в отношении собственности. Наш **Вопрошатель** снова почти не спорит с услышанным, смиренно признавая, что главный интерес публики состоит здесь не в его собственных (по-видимому, консервативно-либеральных) взглядах, а во взглядах его чиновного собеседника, и доверяя внимательности читателя. Но на этот раз мы сочли полезным и эксплицитное выражение «не-государственнической» точки зрения — и в нашей квазисократической беседе появляется третий персонаж, вполне умеренный **Либерал**. Он, естественно, молча выслушивает речи Государственника и лишь по его уходе начинает говорить.

Собственники или управленцы

Вопрошатель: Еще два года назад никто не помнил самого слова *приватизация* и не пекся о том, хорошо она прошла или плохо: проехали; ни о каком пересмотре итогов и слышно не было. Сегодня же это моднейшая тема как в политической тусовке, так вроде бы и в широкой публике. Само по себе так получиться не могло; это было сделано намеренно — и понятно кем. Изменять, извините, «дискурс» в нашей стране умеют только федеральные телеканалы, контролируемые вами. Значит, всероссийскую моду на такой разговор, причем в весьма эмоциональных тонах, насадили вы. Зачем вам это понадобилось? *Нет! Просто, чтобы отвлечь от реальных дел, и о них проф. речи.*

Государственник: Для нас очень важно, чтобы люди, получившие в период приватизации крупную собственность, никогда не забывали, что они, по сути, являются наемными работниками. Они получили собственность в управление,

поскольку заявили себя тогда как потенциально более эффективные менеджеры. Крупная собственность должна обслуживать интересы государства — интересы, связанные с безопасностью во всех ее проявлениях, с поддержкой социальной политики. Аспектов поведения владельцев крупной собственности, управленцев крупной собственности, которые должны быть согласованы с государством, — множество. Разговор о реприватизации нужен для того, чтобы и общественное мнение, и сами собственники были готовы к тому, что у тех из них, кто не примет предложенную нами политику, эта собственность будет из управления изъята. Для того чтобы напрямую, вот так, как я сейчас сказал, публично изымать собственность, в гражданском законодательстве нет необходимой совокупности норм. И, скорее всего, не будет. Поэтому-то, чтобы выполнять эти задачи, не создавая системного нарушения закона, и нужны во-первых, разговоры о реприватизации, а во-вторых, показательные действия. Как, например, то, которое мы сейчас провели.

В.: Одних и тех же людей вы называете то управленцами, то собственниками. Отсюда два вопроса. Во-первых, если они все-таки, по-вашему, управленцы, то почему передача активов делалась так, будто они — собственники? Во-вторых, кем бы они ни были, нынешний шумовой эффект (давай, давай, отберем-переделаем!) неизбежно поселит в них инстинкт временщика. Многие и сами к тому склонны, а вы им еще рассказываете, как мало им гарантирована сохранность активов. Им ничего не остается, кроме как тянуть из своих компаний побольше да упрятывать подальше. Вы нарочно это делаете?

Г.: Во-первых, единоличных владельцев крупной собственности, имеющей советские корни, быть не должно. Это номинальные держатели, номинальные собственники. Недостойной юридической формы для подобной передачи собственности.

В.: Есть. Управляющая компания. Ребята выиграли какой-то тендер на право управления — пусть даже залоговый, неважно, — и вперед.

Г.: Хорошо, я поправлюсь. При приватизации не было предложено достойной юридической формы. Приватизация проводилась массово, ее целью было создание критической массы рыночных субъектов; у приватизаторов не хватило на такие тонкости ни времени, ни, возможно, квалификации. А мы сегодня имеем то, что имеем.

Теперь об инстинктах временщиков. С этим мы и боремся. Они относились к собственности как временщики до того, как мы начали процедуру улаживания отношений и согласования их действий с государством. Потому что все, и они тоже, прекрасно понимали, что миллиардная собственность, полученная одним частным лицом в столь сжатые сроки, нигде обществом не будет признана легитимной, тем более у нас в стране.

В.: Но мы же с вами как раз и начали с того, что еще два года назад она признавалась легитимной *по факту*.

Г.: Ну что значит «она признавалась легитимной»!

В.: Как минимум, что публика забыла про это дело совсем.

Г.: Я не думаю, что люди, которым обещали две машины за ваучер, способны так быстро забыть о несправедливости при распределении государственной собственности.

В.: Людям пообещали, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», кажется, в 1962 году. К 1963-му об этом уже никто не помнил.

Г.: И что стало с этим коммунизмом и с людьми, которые это обещали? Вот мы и не хотим повторить их судьбу.

В.: Что же, при реприватизации вы выполните давнее обещание насчет двух «Волг»?

Г.: Нет. Проводя реприватизацию, мы не будем давать никаких добрых обещаний.

В.: Значит, реприватизация, как обычно у нас, сведется к тому, чтобы стало меньше бедных, а к тому, чтобы стало меньше богатых. Да? Вы никого не обманете посулами, и никому ничего не посулите. Вы просто возьмете у одних богатых и сделаете богатыми других?

Г.: Цели провести массовую замену номинальных собственников нет. Есть цель согласовать их поведение с тем, что предлагаем мы.

В.: Так они уже на все согласились.

Г.: Да, мы с вами в прошлом диалоге об этом уже говорили. И очень хорошо. Именно поэтому нам не нужна массовая реприватизация.

Собственники и управленцы

В.: Попробуем навести минимальную логику. Если человек в ходе приватизации получил парикмахерскую, то он же не номинальный держатель, он собственник, да?

Г.: Да.

В.: Если человек получил в ходе приватизации контроль над нефтяной компанией, то он не собственник, а номинальный держатель, хотя юридически собственность оформлена одинаково. Пусть так. Но где же проходит рубеж, где кончается «собственность» и начинается «номинальное держание»?

Я знаю — где.

Г.: У меня сейчас нет точной формулы, которой могли бы воспользоваться все желающие, для определения, относится конкретное предприятие к крупным, влияющим на политику государства, либо к средним и мелким. Я готов отвечать на конкретные вопросы в отношении конкретных предприятий.

В.: Значит, даже в этом смысле вы отказываетесь хоть как-то себя связать?

Г.: Нет. Если бы я мог дать точную формулу — еще раз повторю, — которой мог бы воспользоваться любой желающий, я бы ее дал. У меня ее нет.

В.: Замечательно. Просто ли у вас ее нет, или вы не хотите ее иметь, не важно. Важно, что ее нет. А значит, неопределенность сохраняется для широчайшего круга владельцев имущества.

Г.: Да нет же. Я готов на конкретных примерах пояснить...

В.: Давайте. Вот, скажем, господин N. Он владеет, с одной стороны, алюминиевыми заводами, которые явно подпадают под ваше рассуждение. С другой же стороны, он владеет автомобильным заводом. Одинаковы ли эти владения с обсуждаемой нами точки зрения? В цветмете он всего-навсего управленец. А на автозаводе он кто?

Г.: Тоже управленец. По совокупности это крупный собственник. Его решения, принятые по массе мелких и средних предприятий, к которым можно отнести и упомянутый вами завод (в обсуждаемом смысле он — среднее предприятие), могут затронуть интересы государства. Совокупность средних предприятий в одних руках может привести к тому, что конкретный человек подпадет под регулирование его поведения со стороны государства.

В.: Таким образом, когда наши назначенцы, которых мы раньше по невежеству называли олигархами, инвестируют в смежные отрасли, они тем самым сокращают количество «настоящей собственности» в стране. Да?

Г.: Да.

В.: А самим «управленцам» говорилось хоть раз, что они таковы?

Г.: Да. Именно для этого был создан институт регулярных встреч президента с крупными предпринимателями.

В.: Какую же фразу уважаемого президента следует трактовать в таком смысле?

Г.: Ответ господину Ходорковскому в феврале 2003 года на его замечание о покупке «Роснефтью» «Северной нефти».

В.: Не было же сказано: Миша, ты — управленец. Было сказано: Миша, в твоей империи не все юридически гладко надо разбираться.

Г.: Нет. Речь шла не о юридической чистоте, а о том, что не надо забывать, кто и как получал свои активы. Получал — ключевое слово; оно и было произнесено.

В.: Но разговора о том, что их собственность — не собственность, там не было.

Г.: Это люди довольно умные. Они и в 1995 году прекрасно знали, что не зарабатывают эти активы, а получают их. Да и сейчас знают и теперь. Посмотрите, сколько они собрали денег на восстановление Константиновского дворца — вдвое больше, чем Пал Палыч истратил на Кремль. Посмотрите, как они раз за разом по первому намеку «сбрасываются». Собственники так не поступают.

В.: Требуют же не всё...

Г.: Собственник при первой же подобной угрозе немедленно сделал бы все, чтобы выйти из этой собственности. Я не понимаю, почему вы хотите, чтобы я доказывал очевидное. Никто из управленцев — кроме тех, кто утратил чувство реальности, — не относился к этой собственности как к своей. И ваши упорные попытки говорить о собственности применительно к крупнейшим компаниям страны просто бессмысленны.

*Вопрос: почему же не все...
Вопрос: почему же не все...
себе...
эти...*

В.: Так крупнейшие-то компании не в отдельной стране живут. Средние и мелкие тоже получают намеки «сброситься» и тоже повинуются. Так что же, они...

Г.: А сейчас вы говорите об уголовщине. Я утверждаю, что это — внесистемные явления, никоим образом не отражающие государственной политики по отношению к средней и мелкой собственности.

В.: А «если кто-то кое-где у нас порой»? Как скажете. Если мы соглашаемся обсуждать особенности госполитики по собственности только применительно к крупнейшим компаниям, еще вопрос о них. Итак, сегодня «управленцам» четко указано их место, они послушно выстроились в шеренгу — проблем нет. А что, если завтра к вам придет один из них и скажет: старею, устал, пора подумать о здоровье, о семье — хочу продать активы на Запад?

Г.: Придется, как это ни печально, повторить урок. Нам бы этого очень не хотелось — и пока все они в здравом уме и твердой памяти, мы этого делать не будем.

Никак не формализуемый инструментарий

В.: В случае если «придется», каковы будут методы воспитания? Ведь методы, опробованные на ЮКОСе, не нравятся никому — кажется, вам и самим не нравятся.

Г.: Вы полагаете, что с точки зрения инвестиционного климата реституция по приватизационной сделке была бы лучше?

В.: Полагаю, существенно лучше.

Г.: Уверен, что нет. Вы сказали «лучше» исходя из идеализированных представлений о российской реальности. ЮКОС — и не единственный, и не самый одиозный участник вызывающих сомнение приватизационных сделок. Если бы мы на его

примере создали прецедент деприватизации, мы выпустили бы джинна из бутылки. Подавляющий объем собственности подвергся бы деприватизации, а это не входит в наши планы.

В.: А так разве прецедент не создан?

Г.: Да поймите же, использование *этого* прецедента контролируется нами. В том случае любой акционер, да и вообще любое лицо, заявившее о нарушении своих прав, опираясь на прецедент, могли бы добиваться реституции — помимо нас и в противность нашим намерениям. А сейчас мы показали, что сделать это можем мы.

В.: Очень доходчиво. Думаю, что любой, послушав вас и порепетировав минут пять перед зеркалом, мог бы изложить государственническую позицию применительно к любому вопросу. Но есть, по-моему, в этой позиции явная прореха. Вы утверждаете, что «номинальные владельцы» крупной собственности обязаны согласовывать свои действия с государственными интересами. В чем же они заключаются? На мой вкус, дело это простое: *государственные интересы — это все то и только то, что написано в законах государства*. Прознал законодатель, что то-то и то-то нужно для державы, записал в закон, все построились. Не уверен законодатель, что нечто нужно для державы, — не пишет в закон, каждый ходит сам по себе. Вы же толкуете о государственных интересах как о чем-то надмирном и предлагаете крупняку согласовываться с чем-то, полученным вами при мистическом озарении. Только он приноровится, вам откроются новые глубины, а в пресловутом 2008 году озарения и вообще могут радикально поменяться. Так почему не ввести открытые, установленные законом ограничения на деятельность структурообразующих компаний? Насколько бы всем стало легче!

Г.: Если вы способны подготовить соответствующий текст, мы найдем пути и для превращения его в законопроект, и для принятия такого закона. Увы, формализовать инструментарий, который мы сейчас используем, сложнее, нежели взаимное

связи между формальными титулами собственника и политической государственности — невозможно.

В.: Так весь беспредел и не надо формализовывать! Если есть действительные государственные интересы, которым должны служить крупные собственники и которые *не стыдно произнести вслух*, я не вижу особой сложности в облачении их в форму закона. А если произнести стыдно, то пусть и крупняк им не служит.

Г.: Все-таки задача прописывания такого механизма кажется мне пока недоступно сложной. Я ведь честно с вами говорю.

В.: Увы, да. Но продолжим. Будет ли массовая реприватизация — это один вопрос, а что будет с залоговыми аукционами — другой, гораздо более острый. И в докладе Счетной палаты о них разве что матом не сказано, и общественное мнение к ним сурово. Что вы о них скажете?

Г.: Претензии к залоговым аукционам сводятся в основном к утверждению о мнимом характере залоговых сделок. В идее кредитования бюджета под залог государственного имущества ничего незаконного нет. В реализации имущества с аукциона по истечении срока кредита ничего незаконного нет. Когда же появляются признаки мнимости? При назначении низкой стартовой цены в сочетании с фактически закрытыми по составу участников торгами. При кредитовании бюджета за бюджетные же деньги. Так что с одной стороны — вполне рыночный механизм залоговой сделки, с другой — не вполне добросовестные и даже незаконные действия государственных чиновников. Если предположить, что этими действиями нанесен ущерб государству и этот ущерб будет признан судом, то вопрос о наказании конкретных чиновников станет актуальным.

В.: А вопрос о судьбе имущества?

Г.: Когда я говорил об ущербе государству, я имел в виду действия чиновников, а не добросовестных приобретателей. При

тех «если», которые мы только что оговорили, оснований виндикации нет — поскольку нельзя утверждать, что имущество выбыло из владения государства помимо его воли.

В.: Воля ваша, но для цирка это слишком тонко. Чистая фатастика: наша правоохранительная система найдет возможность обвинить кого-либо из государевых людей, но не частного приобретателя...

Г.: Давайте избежим теоретического спора. Я готов согласиться с вами, что за предъявлением претензий к чиновникам, готовившим залоговые аукционы, воследовали попытки пересмотра самих сделок. Но, поскольку мы не собираемся предъявлять претензии, не будет и таких попыток.

В.: Спасибо.

Г.: Не стоит.

О неделимости рынка

В.: Вы слышали, что говорил о реприватизации Государственник. Что вы могли бы сказать по этому поводу?

Либерал: Позвольте мне, не комментируя его высказывания, высказать свою точку зрения. Я против массовой реприватизации. Она приведет к увеличению доли силовых решений, что неизбежно обернется усыханием рыночных институтов.

В.: Считаете ли вы, что отношение государства к крупной и всей остальной собственности должно быть принципиально разным?

Л.: Нет. То, что сказал Государственник о воспитании (в его терминологии) номинальных владельцев крупной собственности, противоречит общественным интересам. Допускается, что могут быть публично приняты национальные правила поведения крупных корпораций, побуждающие их соотно-

сить свои решения с интересами конкретного государства. Для этого есть понятные институты, которые не придется изобретать: например, антимонопольное законодательство. Но идея скрытого института номинальных владельцев крупной государственной собственности и, в связи с этим, неформального и непубличного согласования их поведения с текущей государственной политикой — порочна. Особое возмущение вызывает силовая поддержка процесса воспитания этих владельцев.

Такая модель управления собственностью приведет к выпадению из эффективного процесса рыночного хозяйствования всего сектора крупных корпораций. Да и не только крупных — утверждение о разделении рынков и пр. мне представляется либо наивным, либо нечестным. Ведь искажение рыночных принципов движения крупных финансовых потоков приведет к такому же искажению связанных с ними средних и мелких финансовых потоков. В совокупности малые и средние предприятия сравнимы с совокупным сектором крупных — и по объему выпуска, и по количеству занятых. В силу жесткой хозяйственной связи между этими секторами на средние и мелкие предприятия будут транслироваться те же принципы согласования поведения. А значит, и другие особенности модели Государственника (в том числе искаженная монополизацией договорная среда и адаптированный под мелочь институт номинальных владельцев) станут для них нормой.

В.: Мы слышали, что массовая реприватизация государству не нужна. Не кажется ли вам, что слишком многим во властной команде реприватизация нужна и желанна, а потому она очень вероятна?

Л.: Я вижу существенные риски, возникающие из плохой управляемости силовых структур. Государственник полагает, что стоит верховной власти публично высказать внутренне непротиворечивую конструкцию управления собственностью

В.: Этому может быть другое объяснение: речи, сказанные в микрофон и мимо него, были разными. Вы такое допустите?

Л.: Я исхожу из презумпции невиновности. Пока не доказано обратное, я верю в искренность и исполнительность в сти — и ее главы. Отсюда и вывод о потере контроля силовиками. Вот если президент признается в своей неискренности, тогда можно будет сказать: контроль есть, а противоречивой концепции развития (следовательно, и будущего) у России нет.

В.: Вы признали, что к номинальным владельцам крупной собственности владельцы средней и мелкой собственности относятся скверно. Так, возможно, Государственник разделяет отношение к этим категориям субъектов? Все-таки это звери разных пород.

Л.: То, что это звери разных пород, может означать, например, что это вассалы разных господ. И вассалам старых губернских команд откровенно наплевать на вассалов федерального правительства. Никто из вассалов низшего уровня не будет биться за интересы старших вассалов, которых по какой-то причине их хозяева решили придавить, — самим бы выжить. Однако само наличие этой дихотомии не подтверждает истинности концепции Государственника. Концепция имеет право на существование, но я не хочу ее принимать как безальтернативную для страны.

В.: Итак, есть вассалы одних господ, есть вассалы других господ, а предпринимателей, которые близки вам по духу и которых вы готовы защищать и отстаивать, в России просто нет?

Л.: Такие предприниматели есть, но они в Красной книге. Так и будет, пока вокруг собственности (якобы только крупной, а на самом деле — любой) не прекратятся игры по «понятиям».

Набор приемов не безразличен

В.: Позвольте и вас спросить о залоговых аукционах, над которыми так явно сгущаются тучи. Каковы ваши взгляды на эти тринадцать сделок?

Л.: Это прискорбная страница российской приватизации. По всем сделкам нужны судебные решения. Либо признание этих сделок мнимыми и, как следствие, ничтожными — и применение последствий недействительности ничтожных сделок. Либо судебный отказ в признании сделок недействительными по тем или иным основаниям. Это должны быть открытые, публичные процессы, которые закроют все тринадцать проблем раз и навсегда.

В.: Процесс над Лебедевым и Ходорковским вы считаете открытым и публичным?

Л.: Не надо сравнивать. В этом процессе власть имела иные цели. Желание построить крупных собственников несовместимо с юридически чистым решением проблем залоговых аукционов. Эти проблемы не должны решаться с помощью Федеральной службы по налогам и сборам и при участии следователей и оперативных работников. Они должны решаться в суде на основе исследования характера самих сделок — и мало кто должен быть заинтересован в таком исходе горячее, чем сами победители залоговых аукционов.

В.: Лучше ужасный конец, чем ужас без конца?

Л.: И в этом смысле тоже.

В.: Предположим, залоговые или какие-то иные сделки признаны ничтожными по суду. Кто должен оказаться виноват? Какова будет судьба приватизированного имущества?

Л.: Вопрос «кто виноват?» — это вопрос суда; степень вины и степень наказания должна определяться действовавшим в то время законодательством. Для решения вопроса «что делать?»

с приватизированным имуществом я предложил бы использовать механизм мировых соглашений в рамках арбитражных процессов. Это должны быть мировые соглашения между сегодняшними собственниками и государством. Исполнительная власть должна предложить типовое мировое соглашение, основные принципы которого утверждены законодателем.

Возьмем для примера инвестиционные конкурсы. Победитель взял на себя инвестиционные обязательства — и не выполнил их. Суд может признать сделку мнимой. После этого он вправе оценить ущерб, нанесенный имущественным интересам государства. Затем нужно определить субъективный состав преступления: кто это — один человек или группа. Вклад каждого из группы в общее деяние и пр. Не стоит искать в уголовном процессе новаций применительно к этим сделкам.

В.: Чья доля вины будет больше: чиновника из Комитета по управлению городским имуществом (КУГИ) или предпринимателя?

Л.: Предприниматель вообще может быть признан невиновным в нанесении ущерба, если он ничего, кроме предписанного правилами, не совершал. Мне неизвестно юридически точное исследование вопроса соответствия подзаконных актов приватизационных чиновников федерального и местного уровня федеральным законам. Буде таковое появится, оно даст основу для разделения ответственности между субъектами процесса.

В.: Теперь о ваших мировых соглашениях. Чем они будут отличаться от компенсационного налога, предлагаемого многими левыми экономистами?

Л.: По своей сути ничем, кроме добровольности принятия сторонами на себя прав и обязательств. А компенсационный налог не доброволен ни в каком смысле.

В.: Хороша добровольность — под угрозой потери собственности...

Л.: И компенсации этой потери. Ведь если сделка признана ничтожной по тем или иным основаниям, стороны возвращаются в исходное состояние. Такая взаимная реституция может оказаться выгоднее стандартного мирового соглашения — и наоборот.

В.: Что ж, спасибо и вам.

Л.: И мне не за что.